К84(2Рос=Рус)6
М 28

Анатолий

МАРЛАСОВ

лирика

ПРЕД СВЕТЛЫМ ИМЕНЕМ ТВОИМ...

11401

Библиотека поэзии
Каменного пояса

Читателям
Югры
от
автора

21.09.04

Анатолий Марласов

ПРЕД СВЕТЛЫМ ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Книга избранной лирики

Государственная библиотека Югры | ОЭ

-090914-

Екатеринбург
2004

Государственная библиотека Югры | КО

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
М 28

Книга издана при финансовой поддержке Департамента информационной политики администрации Тюменской области.

Марласов А.

М 28 Пред светлым именем твоим..: Стихи. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. — 344 с.: ил. — (Библиотека поэзии Каменного пояса).

ISBN 5–7851–0500-4

Избранные стихи, песни, поэма «Где наши корни?» и пьеса в стихах «Бунтарская стрела» тюменского поэта, члена Союза российских писателей Анатолия Марласова.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5–7851–0500-4

© А.Марласов, 2004.
© Банк культурной информации, 2004, оформление, серия.
© С.В.Стенин, 2004, рисунки.

ТЕНЬ ОТ СТИХОВ
НА АСФАЛЬТЕ...

ПОВЕРЬТЕ

И.Сельвинскому, Л.Озерову.
Давайте помечтаем о бессмертии.
И.Сельвинский.

Поверьте, поверьте, прошу Вас, поверьте
В свое и мое, и в чужое бессмертье.
Поверьте, как верите в полные ведра,
Как верят больные в могущество меда,
Поверьте, как бедные верят в удачу,
Поверьте, как верите в честную сдачу,
Прошу Вас, поверьте, поверьте, поверьте
В могущество жизни,
В беспомощность смерти!

Давайте во всем разберемся спокойно –
Когда-нибудь Вам не казалось такое:
Вы жили когда-то, любили когда-то,
Но смерть Вас настигла, как пуля солдата,
И вам не казалось, что в будущем веке
Вы вновь повторитесь в другом человеке,
Как в Вас повторился далекий Ваш прадед?
Поверьте в такую возможность взаправду.

Прошу Вас, поверьте, поверьте, поверьте –
И Вам обеспечено будет бессмертье.

МАСТЕР

Спасо-Преображенский собор
в Суздале расписан костромским
мастером Силой Савиным.

Из надписи
на мемориальной доске.

Слышу в тонком колокольном звоне,
Что плывет через века ко мне:
«Сила Савин, где ты похоронен –
В Суздале, в Рязани, в Костроме?».

Был ты в жизни добрым и не хмурым,
Потому-то с тех далеких пор
Светится мужицкая натура,
Вписанная в суздальский собор.

И теперь, уже в музейном звоне,
Слышу отзвук грусти вековой:
«Сила Савин, где ты похоронен,
Мастер-рисовальщик костромской?».

Ну, ответь мне...
Что ж молчишь ты, Сила?
Пересиль, попробуй-ка, себя,
Где тебя нелегкая носила
Крепостного мастера судьба?

В чьих краях
Обмакивал ты в росы
Кисти, что остались от отца?

Где еще классическая роспись
Радует российские сердца?

Где еще до сей поры не узнан
Гениальный почерк мужика?
А пока...
Есть только город Суздаль
И... мемориальная доска.

1965 г.

* * *

Объединяют род людской
Две цифры.
Между ними
Есть промежуток небольшой –
Тире,
А сверху – имя.

АРИНЕ РОДИОНОВНЕ

А.С.Пушкин перед смертью
просил морошки.
Исторический факт.

«Здравствуйте, Арина Родионовна!
Разрешите через столько лет
От народа многомилионного
Передать Вам искренний привет,

Поклониться
низко-низко в пояс
За добро,
что совершили Вы,
И вручить билет на скорый поезд
От Михайловского до Москвы».

Улыбается Москва неоново,
Звон часов,
Стремительность машин.
Мы опять, Арина Родионовна,
На свиданье с Пушкиным спешим.

Временем ошибка не допущена...
Чуть поправив сбившийся платок,
Бабушка идет на площадь Пушкина
И несет морошки туесок.

* * *

В.З.Коревицкому

Я – директор театра,
В который не ходит никто.
Я – директор театра...
И участи нету печальней.
Вот и вешалка... та...
А на ней одинокою чайкой
Распласталось мое –
Для количества, что ли? –
Пальто.

Я – директор театра,
Которого, в принципе, нет.
Я друзьям не могу раздавать
Контрамарки с улыбкой,
Приходите, сегодня
Услышите дивную скрипку,
Если ж завтра придете,
Услышите Клары кларнет.

Нет!
Не ходит никто...
И звучат инструменты напрасно,
Раздвигается занавес,
Гаснет приглушенный свет.
Да, конечно, обидно –

В партере и зрителей нет,
Впрочем, это как раз,
К удивлению, все же прекрасно.

Мне никто не мешает
Поудобнее в кресле рассесться,
Свои длинные ноги
Протянуть, как шлагбаум, вперед,
Закричать, озираясь вокруг:
«Что же вы за народ?!».
Раздвигается занавес? – Нет!
Это так разрывается сердце.

1996 г. Тюмень.

* * *

У Альберта Эйнштейна
Спросили однажды друзья:
«Вы – великий ученый!
Зачем же подкова над дверью?».

Он ответил: «Конечно,
Конечно, ей верить нельзя,
Но она помогает и тем,
Кто в нее почему-то не верит».

И ЗЕРНЫШКО КАРАНДАША...

Г.Раишеву – Хантыйскому художнику.

А мне-то
И надо немного,
И этим богата душа –
К зеленому солнцу дорога
И зернышко карандаша.

Стихи,
Как тревожные маги,
Меня обступают, дыша,
А мне-то и надо –
Бумаги
И зернышко карандаша.

Не требую высшей награды,
Без низшей живу не спеша.
Мне родину только и надо...
И зернышко карандаша...

* * *

Мимолетность жизни сознаем...
Что же делать? Даже принимаем.
Не страдаем? Изредка страдаем
От того, что все-таки умрем.

Умираем тихо и светло,
Не мечтая о наивном рае,
Умираем, словно изливаем
Из груди излишнее тепло.

ГОЛУБЬ

Я нашел голубя,
Он не умел летать...
Что-то в нем такое случилось.
Выбросить жалко –
Не полетит.
Выбросить – не поднимут.

А дома,
Услышав музыку,
Голубь... затанцевал,
Хотя и не был ученым.
Что-то в нем такое случилось.
Услышит музыку – танцует,
Музыка окончится – тоскует...

И умер мой голубь,
Но я же кормил
И поил его,
Честное слово!
Что-то в нем такое случилось –
Взял и умер.
Умер и все...

И после товарищ в больших очках
Мне объяснил беспристрастно и четко,

Что голубь, не умеющий летать,
Обязательно бы умер,
Не умереть не мог бы.
Более того – обязан умереть.

А я-то думаю,
Я виноват.
Надо было музыку...
Музыку было надо...
Было!
Надо!
Музыку!
И он бы жил.

НА ВЕКА

«Ах, церквушка?..
Разве – чудо? –
Только время тратить зря»...
Но церквушка эта, люди,
Без единого гвоздя!

Тот, кто строил
Раньше церковь,
Был на все большой мастак –
Архитектор, плотник ценный
И монтажник, как-никак.

Вы смеетесь: *«Странно очень –*
Разве не было гвоздей?».
Гвозди были...
Только в осень
Бревна гнили от дождей.

Гвоздь притягивает сырость,
Сырость – хуже червяка...
Раньше шили все на вырост,
Создавали на века.

1965 г.

-090914-
Государственная библиотека Югры
17
КО

ЖУРАВЛЬ

А.Гольду.

Один единственный на область
У нас в селе журавль стоит.
К полету дальнему способность
Он в крыльях срубленных таит.

А чтобы не взлетел над лесом
Незаменимый на селе,
Его бадья с противовесом
Удерживают на земле.

Но ни скрипучая работа,
Ни тяжесть в крыльях – ничего
Отбить желание полета
Не могут все же у него.

И по ночам, когда не нужен,
Такой нелегкий на подъем –
Он над землею спящей кружит
С противовесом и бадьей...

...Уйдет на пенсию колодец,
Окончив миссию свою,
Противовес куда-то бросят
И снимут тяжкую бадью.

Односельчане будут сами
Ему хорошего желать,
И захлебнется небесами
Натренированный журавль.

1980 г.

«Звучала музыка
Во мне,
В тебе звучала...
...Печально в нашей
Стороне.
Начнем сначала?».

Но это пройденный
Этап,
О, дорогая!
И я не тот, и ты не та –
Страна другая!

* * *

Пред светлым именем твоим
О, Бог-Россия,
Не пашем Землю, не творим –
Всё ждем мессию.

Все чаще взгляды – в глубь небес,
И в храмах – гимны.
Мы чуда ждем, мы ждем чудес,
А села гибнут...

ПРИМЕТЫ

Я верю в бесчувственность черных поверий,
Недаром ведь тучи окутали горло небес,
И черные птицы срываются с черных деревьев,
И снег у подножий деревьев не девственно бел,

И черная кошка вчера перешла мне дорогу,
И баба навстречу прошла,
Громыхая порожним ведром,
И даже подкову сорвали... она над порогом
Давно уж висела, улыбкой светясь и добром,

И глухо ударил мороз,
И печальная птаха
Всю ночь мне стучала, стучала, стучала в окно,
И где-то в ночи филин ухал и охал, и ахал:
«Ух, неладно!
Ох, тревожно!
Ах, ужасно темно!».

И невольно поверишь
В это четкое чудо предчувствий –
Вековые приметы,
Им не верить, наверно, нельзя.
Если все невпопад,
На душе и печально, и пусто –

Значит, видимо, смерть
Выразительно смотрит в глаза.

Я готов умереть!
Наплевать на поверья, приметы...
Только чувствую я,
Только чувствую сердцем одно –
Я не знаю, родился ли я
И умру ли в России поэтом,
Но в Россию стучался, стучался,
Как птица в окно.

1993 г.

* * *

Я очень долго жил в лесу
Таком красивом и высоком,
Что трансформировалось око
На жизнь оставшуюся всю.

Я не смогу теперь смотреть
Подобострастно иль в угоду –
Ни на людей, ни на природу, –
Мне будет легче умереть.

И раствориться в облаках,
Иль навести на душу глянец.
Я не смогу теперь и глянуть
На недостойных свысока.

Я очень долго жил в лесу
И слушал листьев перезвоны,
И познавал его законы,
И постигал его красу,

И понял я, что лес велик,
Он поднимает наши души.
Да будьте все ему послушны –
Живите так, как он велит.

* * *

Из черепа, из черепа
Олегова коня
Я пил вино – и нечего
Обманывать меня.

Я чувствую – Викторию,
Как зверь – летящий след.
Я знаю ту историю,
Которой вовсе нет!

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

В.Богомякову – философу.

Первопечатника мы знаем на Руси...
А кто был первым в мире, что придумал
Слова, звучащие безумно и легко,
Перенести на мудрую бумагу?
Кто?
Смущенное молчание... Не знаем.
Мы многого не знаем, черт возьми.
Не знаем первых,
Самых первых-первых,
Сметливых, даровитых, башковитых,
С талантливыми умными руками.
Кто в мире слово первое сказал?
Не «Ы» да «Ах», иль с помощью полена,
А так, членораздельно и напевно,
Кто слово в мире первое сказал?
И что это за слово было все же?
Не думаю, что связано оно
С понятиями ссоры или битвы.
Скорей – любви или простой молитве
Обязан мир перворожденью слова.

А кто был в мире первым, что придумал
Слова простые, как изделья круга
Гончарного, так сопоставить складно,
Что стала речь похожа на звучанье
Ручья?

Кто написал впервые – повествую
О славной деве, что меня пронзила
Не острой пикой, а печальным взглядом?
Кто первым был?..

Наверно, был им каждый...

* * *

Вот и чайки закричали
На печальных языках...
Что же было там, вначале –
На Эгейских островах?

На Эгейских, эх и диких...
Да! История права...
Но вначале были крики,
А потом уже слова!

* * *

Тень от стихов на асфальте,
Ты ее не затопчи,
Нет в ней ни грязи, ни фальши.
Слушай... молчи...

Музыка, как у Вивальди,
Ты ее не тревожь.
Тень от стихов на асфальте...
Все остальное – ложь!

* * *

Зачем стремленье,
Восторг огня –
Убили Меня,
А не меня?

Убитый мог бы
Простить грехам,
Он ближе к Богу,
А я – к стихам.

* * *

Нет,
Не потому, что жертва моды.
Так случилось, черт меня бери!
Я прописан в городе свободы,
Но свободным быть – хоть на пари –

Не могу я... Это так опасно,
Словно рубль разделывать под сто.
Пусть живу на площади я «Гласность»,
Но стихи пишу я только в стол.

Посмотрите – главный и свободный,
Как всегда у нас в СССР, –
Я бреду к марксизму, но... голодный,
Я уже ползу к нему. Теперь.

Надо мною гордо знамя реет,
Надо мной смеются, черт возьми,
И американец, и кореец –
Надо мною весь смеется мир...

Нет.
Не потому, что тезис моден,
Просто так случилось, просто так –
Я живу с пропискою «свободен»,
Словно на веревочке ишак.

1986 г.

* * *

На месяце повеситься –
И повисеть.
Такая куролесица –
Ни пить, ни есть.

Висит поэт – и задницей
Он задевает век...
Кому-то очень нравится
Висящий человек.

Носки его болтаются,
Ботинки на весу,
А существо скрывается
В таинственном лесу.

На месяце повесился
Задумчивый поэт
Не потому, что весело,
Не потому что, нет...

1991 г.

* * *

А.А.Ш.

Кто-то машет дирижерской
Палочкой, кипя от гнева,
То толстеет, как обжора,
То худеет – пальцем в небо.

Но а мы, народ тяжелый,
Кто на домре, кто на скрипке,
Нам плевать на дирижера,
Размахался – ишь ты, прыткий!

МЕЧТА

Я хотел бы жить да жить,
Не мудрствуя лукаво,
Печку русскую топить,
Пить да пить какао.

Чтоб не алкал водки рот,
Если что, – то редко,
Чтобы рядом огород,
В огороде – редька.

Да картошка, да лучок,
Травушка над нею.
Чтоб на рынке за пучок
Не платить, мрачнея.

Чтобы речка за окном –
В праздники и будни,
Чтоб кричали: «С добрым днем!» –
Дорогие люди.

Чтоб ответствовал им я:
«Будьте все счастливы!»...
Эх, мечта, мечта моя,
Грустная, как ива...

2000 г.

* * *

И звезда упала
И исчезла,
Потушил ее безумный ветер...
В эту сказку,
Я признаюсь честно,
Верят только женщины и дети.

Мужественно женщина сказала:
«Я люблю!
И пусть поймут превратно».
И ребенок закричал из зала,
И звезда приклеилась обратно.

ПЕСНЯ

Т.Хашагульговой.

Девочка, печали не скрывая,
Говорит осенние слова:
«Без листвы березка не живая», –
Я ей отвечаю: «Не права».

Девушка над речкою замерзшей
Говорит январские слова:
«Я стою над нею, как над мертвой»,
Я ей отвечаю: «Не права».

Женщина над бывшею любовью
Причитает: «Ты еще жива!
Мы еще увидимся с тобою?».
Я ей отвечаю: «Не права».

ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ

Ой, да ты, калинушка горькая,
Как моя любовь безответная.
Одиноко стоишь ты под горкою
Да к воде наклоняешься ветками.

Ты так смотришь на воду внимательно,
Будто видишь в ней тайны серьезные.
Я, сиротка, к тебе, словно к матери,
Обращаюсь с девичьею просьбою:

«Погляди, дорогая калинушка,
И ответь мне хоть горько, да искренне,
Почему я любимым покинута,
Словно ветром холодная искорка?».

Наклонилась калинушка горькая
Над водою прозрачною ветвями,
Ничего не ответила гордая,
До сих пор ничего не ответила...

ПЕСНЯ

Ах, снега, снега – словно белый дождь
Над моей землей запорошенной.
Ты зачем пошел, ты куда идешь?
– К лету я иду – за морошкою.

Оглянись вокруг – ведь снега кругом,
Что за мысль тебя заморочила,
Ты зачем пошел и оставил дом?
– К лету я иду – за морошкою.

А мороз стоит – разрывает грудь,
Даже сердце в ней заморожено.
Ты зачем пошел в этот трудный путь?
– К лету я иду – за морошкою.

Все вокруг твердят: «Твердолобый он!».
Мол, такой-сякой, мол, он сошка лишь.
Ты зачем пошел, ну какой резон?
К лету я иду – за морошкою.

* * *

Ненцы – мудрый народ, суеверный немножко,
Ведь когда умирает какой-нибудь дед,
Он родным говорит: «Я пошел за морошкой», –
И уходит из чума... И его больше нет...

И когда меня жизнь невзначай заморочит –
Пусть не так я и стар, пусть не так уж я сед,
Поступлю, словно ненец.
«Он ушел за морошкой», –
Так скажите, коль спросят,
Любопытным в ответ.

* * *

Есть в осени прекрасные мгновенья,
Которые весной не оценить,
Они как будто в лето откровенья,
Воздушная волнующая нить.

И шепчем мы: «Благословенна осень –
Глоток нерукотворного вина!».
И правы мы... и хорошо нам очень...
Но все-таки прекраснее весна!

* * *

Убегает изо всех силенок,
Ничего от страха не крича,
Осени беспомощный цыпленок –
Солнышко на тоненьких лучах.

Почему-то грусть легла на сердце –
Было солнце, а теперь уж нет...
А Земля, как глупая наседка,
И не посмотрела ему вслед...

* * *

Морозный обморок берез
Предполагает вдохновенье –
Ах, как прекрасно и всерьез!
Природа – это светлый гений!

Но почему тогда до слез
Мне жалко, что береза стынет,
Я слышу, как хрустят берез
Суставы, на которых иней.

* * *

Я чувствую – тянется к лету
Простуженный голос зимы,
И мы наполняемся светом,
И к солнышку тянемся мы.

И хочется с песней дружить
И верить в неистовость лета,
И так в этом мире прожить,
Чтоб люди запомнили это.

* * *

Зачем такая
Приснилась повесть –
Беру руками
Больную совесть,

А совесть плачет,
И нет покоя...
Что это значит,
Зачем такое?

* * *

Л.В.

Холодный ветер расставанья
Ударит в наши паруса,
И поплывут на расстоянье,
Как два челна, твои глаза.

Придется ль свидеться нам снова
У островка житейских встреч,
Чтобы твое услышать слово,
Чтобы твоих коснуться плеч?

1969 г.

* * *

Забуду все – как звать тебя забуду,
Глаза и брови, и лица овал,
И эту разноцветную посуду,
И эти разноцветные слова...

...Но в старости, в какой-то день
Ненастный,
Когда обрушит тяжести беда,
Я вспомню вдруг какое было счастье,
По глупости забытое тогда...

* * *

Вы замечали, что девушка любимая
Ласточку собой напоминает?
Так же ее талия тонка,
Так же рук движенье, как паренье,
И походка девушки, как росчерк
Птичьего полета в облака.

Точно так, как ласточка шутя
Кончиком крыла воды коснется,
Точно так и девушка моя –
Сердце ранит... и не улыбнется!

* * *

Женщина, как скрипка, –
Чем взрослей,
Тем ее ошибка
Все слышней,

Тем ее звучание
Все нежней,
Тем ее молчание
Все больней!

* * *

Любимой женщине своей
Я поклоняюсь ежечасно,
Как будто это мавзолей,
Где все торжественно, прекрасно.

Соперники? Мне жалко их,
Они мне не страшны отныне,
Хоть я не ставлю часовых
К любимой женщине-святыне!

* * *

Л.М.

Волк осени серой завыл в междуречье,
Откликнулась сразу собака зимы,
А мы говорили, и по-человечьи,
Но разве друг друга услышали мы,

Но разве друг другу мы подали знаки
Тоски изначальной о чистой любви?
Я даже завидую зимней собаке –
Ее сострадательность тоньше, увы...

* * *

Пришел и говорю, но ты не внемлешь,
Ты холодна, как росная трава.
Как будто семена бросаю в землю
Неполитую, – жалкие слова.

Они замерзнут на корню – и точка!
В твоей душе мне их не воскресить.
Пришел и говорю с тобою... Точно
Пытаюсь статуэтку оживить.

* * *

Л.Потаповой.

Для меня ты – удивинка,
Повод для стиха.
Для него ты – хворостинка
Пас-ту-ха!

И жалеть тебя не надо,
Прежняя любовь...
Гонит он тобою стадо
Чувств-коров.

ЛЮБИМОЙ

Так хотел я тебе позвонить
Из далекого чуда – Китая,
Но, язык их нерусский не зная,
Я не смог это им объяснить.
Я не смог объяснить им, увы,
Что звонок мой так многое значит –
Дозвонюсь – все равно ты заплачешь,
Если нет – я умру от любви.

2002 г. Пекин.

* * *

Л.М.

Когда ты входишь в комнату – светлеют
Не только стены, пол и потолок,
Но даже затрапезный уголок
За русской печкой, где от счастья млеют
Сверчки, свои настраивая скрипки,
Но даже этот мрачный уголок
Не может удержаться от улыбки.

Оркестр грянул...
Мягкие бемоли
И жесткие диезы, и бекары
Меня спасают от великой боли –
От одиночества,
От этой высшей кары.

Когда ты входишь – всей страны радары
Улавливают гулкие удары –
Биенье сердца моего...
Ты знаешь –
Я не могу быть Робинзоном Крузо,
Я одиночеством раздавлен, словно грузом,
И ты напрасно головой качаешь.

Когда ты входишь в комнату – светлеют
Над всей моей планетой облака,
Задумчивее тянется река,
Стремительнее ласточки над нею.

* * *

Л.М.Даниловой.

Я вижу все –
И горизонт в тумане,
И самолет,
Летящий в облаках,
И женщину
С невинностью в глазах,
Которая
Когда-нибудь обманет.

И будет лгать,
Едва откроет двери,
Рассыпав лжи большие пятаки,
И ей не будут верить дураки,
Но, как ни странно,
Я ей буду верить.

* * *

Л.М.

1.

Чтобы хоть раз ты заснула девчонкой
В светлых одеждах изысканно тонких,
Чтобы на экстравагантной машине
Мчалась в Италии к экстра-мужчине,

Чтобы имела ты дом и фазенду
И получала приличную ренту,
Но извини ты меня, дорогая,
Жизнь эта, в принципе, будет другая.

Надо тебе да и мне возвратиться, –
Скажем, тебе не такою родиться,
Мне же не быть непонятной смешинкой
Грека турецкого и украинки.

Но уж на горе нам или на милость
Так в нашей жизни с тобой получилось –
Я полунищий поэт и бродяга,
Есть у меня только ты и бумага.

Грустный итог – 50 + четыре,
Даже живем мы не в нашей квартире.

2.

Значит, тебе 50 + четыре,
Сколько же нашей дочурке Ирине?
Ты в календарик души посмотри –
Ты подарила ее в двадцать три.

Доченьку милую, доченьку сладкую –
Ту, что умчалась в страну Петроградскую,
Ту, что живет там прекрасно, но нервно,
Ту, что встречает свой год тридцать первый.

Нет, неужели мы старыми стали,
Нет, неужели смеяться устали.
Думаю я, 50 + четыре –
Это не самое страшное в мире.

1998 г.

ВЕРА И ЛЮБОВЬ

Над водой склонились вербы,
Я иду с тобой.
В мире нет любви без веры
В то, что есть любовь.

Гонит сильный ветер листья,
Гнет к земле ковыль.
Но и веры нету чистой –
Веры без любви.

Вот зима уже настала,
Холодеет кровь.
Нас всегда с тобой спасала
Вера и любовь.

* * *

Все было тихо и спокойно,
Ну, прямо божья благодать,
Когда сиреной
С теплых коек
Сорвало заспанных солдат.

Когда они,
Ругнув тревогу,
А заодно и старшину,
Ушли...
Как-будто ненадолго.
На самом деле –
На войну.

* * *

Я был рожден
В бомбоубежище...
От взрывов пели
Кирпичи,
И мне
Встревоженная беженка
Орала шепотом: «Кричи!».

И я, от взрывов ошалелый,
Как вспоминают,
Не молчал.
Впервые принялся
За дело –
И даже смерть
Перекричал!!!

* * *

Беспечно не пою я, нет!
С небес я не хватаю звезды,
Я из муки военных лет
Голодной матерью был создан.

ГИМН КОРОВЕ

Л.Печалиди – сестре.

Я хочу рассказать о корове,
Гимн корове хочу я пропеть.
Мы желали корове здоровья,
Чтоб от голода не умереть.

Вы бы видели наши лица!
На корову молились мы,
Чтоб смогла она отелиться
После той холодной зимы.

«Тельти мальте», да «тельти мальте», –
– Уговаривал я ее,
В переводе звучало: « В марте
Покажи нам богатство свое.

Ишь, какая ты справная стала,
Я ж худее со-ло-мин-ки!».
Нам в то время не доставало
Молока и черной муки.

Может, Бог улыбнулся маме,
Только помню отчетливо я, –
Отелилась корова в марте,
И спаслась наша вся семья...

СЫН ПЕКАРЯ

Михаилу Агафоновичу Марласову.

В дореволюционное
И нэпманское время
В детской среде можно было услышать:
«На сына булочника?
Я-те покажу!».
Но все изменялось со скоростью денежных
реформ.
Менялись эпохи, обычаи, правила...
И когда уже я подрастал,
Я не мог,
Наступая голодным на горло,
Вопрошать и надменно, и гордо:
«На сына пекаря?».
Да никто на меня и не лез,
Хотя время было голодное,
Холодное,
А отец мой
Священодействовал у горячих печей –
Пек хлеб...

В послевоенную эпоху
В городостопримечательном 47-м году
«Пекарь» звучало солиднее, чем «президент».
Но мне от этого было не легче, нет!
Я голодал, как и все дети.

Никакой поэзии...
Одно на уме –
Хлеба, хлеба, хлеба!

Мы воровали хлеб...
Я заходил в пекарню,
Отвлекая отца разговором о ремесле, –
«Это поднимается тесто?»...
(А Ванька, у которого убило отца под Брестом),
«Зачем такая длиннющая лопата?»...
(Уже проскальзывал как уж).
«Папа, ответь мне, папа!»...
(Между вагонетками, полными хлеба)
«Что за труба, торчащая в небо?»...
Отец поднимал глаза.
И в это время...
Я видел спиною,
Чувствовал слюною Ваньку –
Он выносил уже,
Вот уже вынес он,
Вот уж он делит на части буханку хлеба!

Прости, отец...

* * *

Моему деду – Крестентию.

Батюшка Крестентий...
Батюшки, родня!
Так ты неестественен
Около меня.

Третье, ведь, колено!
Жизнь твоя, как быль.
Ты бежал из плена
Запада – в Сибирь.

Там, вцепившись цепко
За глухой урман,
Ты построил церковь
И крестил крестьян...

РОДСТВО

Я из семьи Емели-дурака,
Мое родство с ним для меня,
Как знамя!
За мною он следит издалека
Своими хитроватыми глазами...

Его соседи звали дураком
За вид безукоризненно беспечный.
А он молчком, от всех людей тайком,
Не год один копался в русской печке.

И докопался – выехал на ней.
И по деревне медленно проехал.
Вот так Емеля!
Вот так дуралей!
Что ж не смеетесь!
Или не до смеха?

Машины нас уносят в облака,
И это часть Емелиного плана,
Простого, извиняюсь, дурака –
Космических полетов ветерана.

* * *

Мой отец с войны вернулся
Из Европы прямиком.
Он разделся и разулся
И...
Прошелся босиком!

А потом
Достал с улыбкой
Из солдатского мешка...
Изумительную скрипку...
И зачем-то два смычка...

* * *

Я узнал, что умерла моя мама,
Из уст улыбающейся бортпроводницы,
Ей было очень весело и смешно,
Она кокетничала с рыжеволосым грузином,
Странно, как он попал
В наш северный городок.
Наверное, торговал апельсинами...

Когда ее вызвали пилоты
И прочли радиограмму,
Сияющая бортпроводница –
Губы, как дольки апельсина, –
Весело спросила:
«Кто из пассажиров товарищ такой-то?».
И назвала мою фамилию.

Я, было, решил промолчать,
С досадой подумав, что вездесущее начальство
Настигло меня и тут, в самолете,
Чтобы к вороху заданий
Добавить еще одно.
Но дурацкая обязательность
Сделала свое черное дело –
Я со вздохом поднялся с кресла.
Мы вышли в тамбур.

Як-40 уже набрал высоту,
И девушка, с трудом сдерживая хохот,
(Не знаю отчего ей так было весело –
Может быть, грузин рассказал
Ей смешной анекдот,
А может быть, в глаз попала смешинка...
И оттого, что смеяться в этот момент
Было нельзя – она же отлично это понимала, –
Ее буквально раздирало от смеха),
Сквозь сжатые губы произнесла:
«У вас в Пятигорске умерла мама»...

* * *

Владимиру Шмакову.

Сентябрь – осени вокзал
В точеной раме...
А друг мой осенью сказал:
«Поедем к маме!».
И всколыхнулась боль, но я
Молчал упрямо –
Давно уж умерла моя
Родная мама.
Но отношенья не имел
Мой друг к той драме,
Он просто этот гимн пропел:
«Поедем к маме!».
И я завидовал светло:
«С его кудрями...
Конечно, другу повезло –
Он едет к маме».
Но что бы ни произошло –
Мы знаем сами
И понимаем хорошо,
Что едем к маме.
Всю жизнь –
И нет тому конца...
И грусть разлапив,
Я вспомнил старика-отца:
«Поедем к папе!».

1984 г. Салехард.

* * *

И вот мой двор, и вот моя калитка,
Такая же как тридцать лет назад,
И бабка выползает, как улитка,
И щурит бесполезные глаза.

Она меня не узнает, конечно,
Да ей, поди, уже за сотню лет,
А тут как будто прописалась вечность
И смерти, слава Богу, хода нет.

Я обнимаю старческие плечи –
Пропахла бабка скудною едой,
И мы хлопочем с ней.., а тут и вечер
Пришел, как старикашка за водой.

Я выхожу на лунное крылечко
И содрогаюсь внутреней тоске,
А ивы, как ровесницы, над речкой
На лиственном лепечут языке.

Такая красота вокруг разлита,
Расплескана такая тишина,
Что показалось – скрипнула калитка,
И проскользнула девушка-луна...

* * *

И музыка тревожная, как вьюга,
Во мне звучит печально и светло,
И некуда пойти...
И нету друга...
Запропастилась чуткая подруга,
Товарищей куда-то увело.

Одни лишь собутыльники отныне
С бесцветными глазами норовят
Увлечь меня в глубокое унынье.
Их рожи перезрелые, как дыни,
Моей душе ничто не говорят!

И ухожу я в синие морозы,
В заснеженные чуткие леса,
И забываю радостные рожи
И, что еще немаловажно тоже,
Фальшивые, пустые голоса.

Какой простор!
Но я не стану ахать,
Я понимаю трезво и светло,
Что друга нет, забрал подругу хахаль,
Товарищи, наверное, не сахар,
Коль их куда-то что-то увело.

Какой простор?
Есть обреченность круга,
Есть однозначность гробовой доски.
Вот потому звучит во мне, как вьюга,
Мелодия без женщины и друга –
Веселая мелодия тоски.

Ай, да Марьины колодцы –
Соловьиное село!
Даже ночью, коль придется
По тебе пройти, светло.

Знаю каждую тропинку,
Знаю каждый поворот...
Яркий месяц лег на спинку
И стремительно плывет.

Ветер брызгается колко.
Дерева, как стаи птиц.
Не летают лишь поскольку
Тянут, тянут корни вниз.

Тянут их родные корни,
Лишь листва стремится ввысь...
Вдруг раздался над покоем
Оглушительнейший свист!

То ли мальчики балуют,
То ль соловушки окрест,
То ли юноши целуют
Губы звонкие невест?..

НА РОДИНЕ

Здесь звуки в стократ гениальней,
Здесь каждое лыко – в строку.
Я слышу на хуторе дальнем
Истошное ку-ка-ре-ку,
И посвист таинственной птицы,
И русскую речь воробья...
Как сладко – домой возвратиться,
В родные до боли края.

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

«Куда меня, беднягу, занесло».
Н.Рубцов.

Такая синь...
Такой большой простор!
Играет церковь красками на сопке.
И от картины,
В принципе, простой
Я становлюсь и тихим вдруг,
И робким.

Потомку многослойных христиан,
Мне б следовало, видно, помолиться,
И я молюсь на Тихий океан,
Чем вызываю
Изумленье птицы.
Пикирует та птица на меня
И снова в поднебесье синем тает.
Так, тронувшая всполохи огня,
Рука неосторожная взлетает.

Куда меня, беднягу, занесло?
Еще немного – был бы за границей.
А где-то на Кавказе есть село,
В которое мне надо возвратиться.
Там мать ждала...
Там ждет меня отец,
По-гречески ворча,

Что сын – бродяга.
И тяжелей, чем тягостный свинец,
Его, казалось, легкая бумага.

Что меня гонит – жажда иль грехи?
А если жажда,
То не жажда ль славы,
Ведь для чего-то я пишу стихи –
Подобие есенинской отравы?
Чем в жизни складно речь вести свою,
Уж лучше б ладно жил,
Как все другие,
А я богаче всех сейчас стою,
И в ноги мои волны бьют тугие.

И только маму жалко...
Жалко мне...
Как ее жалко –
Маленькая птаха,
Уж кто, как не она,
в моей возне
По белу свету
Натерпелась страха.

А между тем
И вечер подоспел,
Звезда над океаном загорелась.
Казалось – столько света,
Столько дел,
И нету ничего...
Куда все делось?

1985 г., Владивосток – Новый Порт.

* * *

Дел – невпроворот,
Мыслей новых – тьма.
Скорость – час за год,
Лето – и зима.

Осень – где она?
Желтое жнивье.
Ты кричишь: «Весна!» -
Не видал ее.

Проскочил опять
Я сквозь строй берез.
Ни тебе опят,
Ни волшебных грез.

По такой красе
Не грешна печаль...
Неужели все
Так несутся вдаль.

Как остановиться,
Чтоб не развалиться?

* * *

Я – словно дом, который опустел.
Камыш на крыше – волосы седые.
Я был мечтатель... Я безумно пел...
И на себя я поглядел впервые.
И обнаружил: дом-то мой пустой,
Скрипит калитка, ветер отгоняя...
И близких нет... И мать моя родная
Смерть мою гонит собственным крестом.
И сад уже не сад, а мрачный лес,
В котором поселился Дэвид Торо,
И деревянный дом мой рухнет скоро,
И кто-то что-то выдавит про стресс.
Какой там, к черту, стресс?!
Я – словно дом
С надтреснутою половицей.
От этих скрипов улетели птицы
И даже крысы ринулись в пролом.

Стою один я на семи ветрах,
Ни волоска уж на скрипучей крыше,
И только деревянный крест в глазах,
Как знак опознавательный кладбища.

* * *

По белой аллее из снежных берез
Бреду я, печали своей не скрывая.
Не хочется верить, что это всерьез,
Что больше не будет зеленого мая.

Не будет, не будет, не будет весны,
А только снега на могильные плиты,
Не будут тревожить прекрасные сны,
Не будут урчать, как собаки, обиды.

Но хочется верить до искренних слез,
Что буду бежать я, любви не скрывая,
По белой аллее из белых берез
Под солнечным выстрелом синего мая.

ПОД НОВЫЙ ГОД

Васе...

И будет день последний в декабре,
И кто-то неожиданно заплачет,
И будет мелочь очень много значить,
А боль души, как ветер во дворе.

И елочку, как девочку, украсят,
Как жизнь свою...
И будет долгий снег,
И быстрый смех...
И этот нервный смех,
И с дерганной щекой товарищ Вася.

И будет снег последний в декабре...
Как всем последним тяжело на свете!
И будет очень-очень долгий ветер,
И будет зло корёжиться в добре.

И женщины, стоящие у окон,
И пробки счастья выстрелят не вдруг,
И кто-то переступит спорный круг,
И боль в сердца ударит страшным током.

И будет час последний в декабре,
В котором подытожатся итоги.
И мудрыми покажутся дороги,
И женщины в печальном серебре.

И с дерганной щекой товарищ Вася
Заплачет о погибших в той войне,
И будет миг в надсадной тишине,
Который даже тостом не украсят.

И будет зло последним в декабре.
Пройдя через него, мы станем чище.
И уши кто имеет, да услышит
Печаль мою и вьюгу во дворе.

* * *

Как тяжело на сердце, тяжело,
Как будто бы в него со всей Вселенной
Привезено отчаянное зло
И аккуратно сложено в поленья.

Я чувствую, что надо в магазин,
Бреду к нему, конечно, по привычке,
Чтобы купить какой-нибудь бензин
И не забыть какие-нибудь спички.

* * *

На каждого готовят компромат,
На небесах для всех отлиты пули,
А я пою для вас – и очень рад,
Что песни вас мои не обманули.

А я умру так тихо и светло,
Я никому на свете не был тесен.
Не знаменит? Считаю повезло.
Не именит – зато немало песен.

Я, исчезая из своих времен,
Хочу признаться искренне и честно,
Что славой не был я обременен,
Но я хотел, чтобы остались песни.

* * *

Ах, как меня жизнь обманула,
Меня обманула земля,
Тропинка назад повернула –
И получилась петля!

Нарушена шумная смета,
И в лето одето пальто!
Я вечно чего-то – не это,
Я вечно чего-то – не то...

* * *

У человека есть гнездо – земля,
Но человек куда-то вечно рвется.
Воробышком из глубины колодца
Выстреливает сердце из меня –

И я лечу... Зачем, куда лечу?
Ах, я же птица! Потому и плачу,
Что без гнезда я ничего не значу,
А без земли и значить не хочу.

* * *

Прислушайся к себе – и говори,
И в речи этой все переплетется –
И жалобы уставшего колодца,
И солнечные возгласы зари.

И в этой речи все переплетется,
И будет речь похожа на ручей,
Колодец – на прекрасную мечеть,
Мечеть – на отражение в колодце.

* * *

Есть две совести, увы,
Неужель не замечали? —
Есть присутствие печали,
Есть отсутствие любви!

* * *

Приникая к трепетному звуку
Уходящих из меня времен,
Некому подать на счастье руку –
Я собакой не обременен.

Исчезаю я полетом птичьим.
Да! Всё выше, выше, но куда?
Кто-то на груди моей мурлычет –
Видимо, подсунули кота...

* * *

Философы грустят,
Предвидя все на свете –
И завтрашних гусят,
Которых будет ветер
Гнать к озеру...
Оно
Умрет под тяжким илом...
Все так заведено,
Что все на свете было.

* * *

После тяжелой болезни,
Выйдя из небытия,
Тихо ступаю по лесу,
Воздуху радуюсь я.

Выпуклей и приметней
После болезни моей
Птаха щебечет на ветке –
Кажется, воробей.

В жизни не требует много,
«Жив, да жив, жив», –
Надо мной, –
Жив, дорогой,
Слава Богу
И... медицине родной!

1984 г.

* * *

В.Высоцкому.

Как тревожно сегодня
Шатаются ветки в саду
Что случилось? Ответьте, ответьте на милость.
Я предчувствую сердцем неясную эту беду,
Я предчувствую, что-то, наверно, случилось.

Вот и ветер сегодня –
Как будто сорвался с ума.
Он деревьям ломает и души, и руки,
И хотя далеко еще зимушка-мама Зима,
Но уже погибают на землю снесенные фрукты.

Да и тучи небесные словно сорвались с цепи
Всё несутся, несутся, как звери лихие,
Я кричу им из сада, как будто кричу
из степи –
И не знаю, не знаю,
разносится ль эхо в России?

Как тревожно сегодня
шевелятся мысли в мозгу,
Как сегодня бреду я на ошупь в потемках.
К сожалению, я не могу объяснить, не могу,
Объяснить не могу ни себе,
ни друзьям, ни потомкам.

* * *

Не грянет грома громкий окрик,
И не раздастся птичья трель.
Срывает листья ветер мокрый.
И вскоре засвистит метель.

Но где-то там, в подспудной сути,
На бессознательном витке,
Страдая, размышляют люди,
Что счастье только вдалеке.

А я все верил, что когда-то
Оно приблизится ко мне,
Но дату заменяет дата,
На отрывном календаре...

Весна и лето – море солнца!
Но вот опять за чей-то грех
Срывает листья ветер сонный
И вскоре приземлится снег.

И от сознанья круговерти
На колеснице бытия
В осенний вечер жаждет смерти
Бессмертная душа моя...

* * *

Ю.Т.Греку.

1

Друг меня позовет –
Я откроюсь прекрасному другу,
Я ему расскажу,
Что давно я иду не туда,
Что давно я люблю
Эту снежную белую вьюгу,
Что давно надо мною,
Как вьюга, трепещет беда.

Враг меня позовет –
Я скажу ему: «Слушай, не надо!
Сядем в дружеский круг,
Разберем что почем – и пойдем!».
Только знаю одно...
Пожалею его, и когда-то
Он разрушит, разрушит, разрушит
Построенный дружбою дом.

Позовет меня та,
Та, которой не знаю названья –
И не враг, и не друг –
Нечто белое между берез.
Та, что счастье несет,

Но приносит лишь боль и страданья.
Я спрошу у нее:
«Кто же к нам тебя ветром занес?»

2

Друга я позову –
И я знаю, откроется друг мне,
Он мне скажет,
Что я заблудился, иду не к себе,
Что когда-нибудь вдруг
Вьюга светлая все-таки ухнет,
Каркнет что-то тревожно
Черный ворон вдогонку судьбе.

Я врага позову –
Враг ко мне приползет на коленях,
Я спрошу у него:
«Ты ж разрушил построенный дружбою дом?».
Не услышит – глухой,
Не увидит, лишенный прозренья,
В Красной Книге страницу,
Возможно, займет он потом.

Я и ту позову,
Ту, которой все нет и названья,
«И не друг, и не враг», –
Самому говорю я всерьез,
Эта женщина – чудо!
Удивительнейшее созданье –
Нечто белое,
Белое, белое... между берез.

* * *

И.М. – дочери.

«А если я когда-то жил
И очень искренно когда-то
Влюблялся в женщин, и любил,
И умер от ножа пирата,

И вновь в обличии ином
Живу, не помня о прошедшем?», –
Скажу иному – и иной
Ответит мне: «Ты сумасшедший!».

Но генетическая дрожь
Трясет без права на ошибку –
Я видел, видел этот дождь
И эту скорбную улыбку.

Я помню эти вот места,
Все это было, было, было,
И дочь над гробом у креста
Зачем-то ветку теребила.

* * *

Я знаю,
Что жизнь — это строчка,
Которой не быть золотой,
Ее не продлишь запятой,
Она увенчается... точкой.

* * *

Есть философский смысл бытия,
А есть житейский – дважды два? Четыре!
И все происходящее в сем мире,
Делил на эти части я,

Но был не прав!
Все это лишь слова...
Ведь смысл жизни
Сверхмногообразен:
Прекрасные оттенки –
Безобразны,
Уродливы штрихи
У божества.

* * *

Все понимая на седой земле,
Все принимая искренне и резко,
Не так уж много и осталось мне,
На горле неба – ветер, словно леска,
И облака висят, как будто гири,
И молнии, как лезвия во мгле,
Все понимаю в этом страшном мире,
Но очень жаль – осталось мало мне
Прожить на этом свете...

ЮНОШЕСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Л.А.Д.

Я люблю женщину...
Ей за тридцать.
Я люблю женщину –
Она в годах,
Но она прекрасна,
Как озеро Рица,
Затерянное где-то
В Кавказских горах.

У нее есть муж,
У нее есть дети,
Она замечает меня едва.
Я говорю с ней,
Но страшный ветер
Сбивает с толку мои слова.

От нее удивительно
Веет прохладой.
Хоть солнцем пахнет она сама.
Наверное, много
Мужества надо,
Чтоб от нее
Не сойти с ума.

Я люблю женщину –
Ей за тридцать.

Она – как птица,
Летящая вниз,
У нее и руки,
Как крылья птицы,
И походка – как росчерк
Полета птиц.

В темноте моих чувств
Поднимается солнце,
В темноту моих чувств
Опускается страх,
Но звучит, как проклятье,
Это дерзкое соло –
Я люблю женщину...
...Она в годах.

Ну и что ж?
Когда-нибудь вычитаньем
И сложеньем
Любовь занималась? Нет!
Любовь – это
Величайшая тайна,
Не признающая
Арифметику лет.

Я люблю женщину,
Ей за тридцать.
Я люблю женщину,
Она в годах.
Но она прекрасна,
Как озеро Рица,
Затерянное жемчужиной
В Кавказских горах!

* * *

Кошка,
Я выпил сегодня немножко,
А доложить вам, почтенная, смею:
Пить не люблю я, поверите, кошка,
Пить не люблю я и не умею.

Но у меня уже, слышите, тетя,
Да не урчите непьющим завкомом,
Верных друзей убавляется что-то
И прибавляется всяких знакомых.

Это беда. Но беда исправимая,
Это беда, но беда эта меньшая –
Сегодня ушла от меня любимая,
Самая любимая мною женщина.

То-то! Притихли. Это не хаханьки
И никакими врачами не лечится.
Хоть бы ушла там к смазливому хахалю –
Все-таки было бы по-человечески.

Все-таки мог бы найти ее в Сызрани
Или увидеть на улицах в Таллине
И любоваться ею хоть изредка,
И восхищаться на расстоянии.

Кошка, какая вы все же смешная,
Что вы глаза в изумлении пучите?
Женщина эта – она неземная,
Да, неземная! Но самая лучшая.

Видимо, я объясняю неловко,
Образ любимой не понят уж вами –
В мыслях лелеял ее, Циолковский,
Ночи просиживая над чертежами,

Ночи простаивали все поэты,
В профиле лунном ища примет ее,
И появлялись на свет Джульеты –
Только подобия женщины этой!

Как ее встретил – даже не помню я.
Как я не умер внезапно от счастья?
А существо мое сразу наполнилось
Светом и музыкой истинной страсти.

Но улыбаясь как-то загадочно,
Женщина молча взмахнула руками
И полетела к солнцу закатному,
И затерялась над облаками.

Кошка, вы умница – всё понимаете,
Даже мой бред вам бредом не кажется.
Рад, что вы людям не разболтаете,
Даже коту своему не расскажете?

ЗВОНОК

И вот —
Долгожданный звонок!
И хочется в чудо поверить —
И быстро,
Не чувствуя ног,
Бросаюсь разведчиком к двери.

Мгновенье —
И вновь пустота
Но надо ж такому случиться —
Я вспомнил,
Что женщина та
Условленным знаком
Стучится...

* * *

Когда-то женщина мне приснилась,
Сияя такой невозможной красой,
Как будто по лучику солнца спустилась,
Чтобы умыться земною росой.

Плечи ее – голубые крылья,
Тело – сосуд, в котором луна,
Речи ее – как старинные были,
Смех ее опьянял без вина.

Она проходила так осторожно
По улице сна моего стороной,
Словно боялась – будет можно
Вспугнуть ее – и вспугнет любой.

Любой, не боясь и тюремной вышки,
Бросится перед такою ниц!
Она приблизилась ко мне – и вышла
Прямо в окна моих глазниц...

* * *

Е.Б.

Я лицом повернусь к закату
И увижу изгиб косой,
А над ним образ той, проклятой,
Что всегда неразлучна с косой.

Что поделать, бессильны боги, –
Исчезают даже они.
Подведу я свои итоги,
Потушу я свои огни.

И пойду по дороге чёткой,
Заблудиться по ней не дано –
Там ГАИ в балахонах чёрных
Дело знают своё давно.

...Я лицом повернулся к закату
И увидел изгиб косой,
А за речкой девчонку Катю,
Умывающуюся росой,

Уходящие в дали дороги
К деревушкам и городам...
...Рано мне подводить итоги,
Рано гаснуть моим огням.

2003 г.

* * *

И если синий свет луны мне дорог,
Пускай видна дорога к небесам,
И если дорог неба звездный полог,
И жизнь, отмеренная по часам,
И если трав зеленые стенанья
Меня тревожат, шорохи неся,
И в сердце отзываются страданья,
Мой первобытный эгоизм гася,
И если вижу я тончайший росчерк
Летящих птиц, зовущих в небеса,
То это значит точно Бога почерк –
И есть еще на свете чудеса.

1988 г. Тюмень.

СЕВЕРНАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Как прекрасна северная осень –
Россыпь убегающих лучей,
Терпкий воздух разноцветных просек
И пока еще живой ручей.

Изморозь, проникшая повсюду,
Солнца торопливого разбег.
И над этим всем такое чудо –
Лебеди, летящие, как снег.

1969 г. п.Тязовский.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Северное сияние –
Чудо из чудес:
На голубой поляне –
Разноцветный лес.

Тот, кто придумал краски,
Разрисовал небеса,
Видимо, верил в сказки,
Верил в чудеса.

Мы уж с тобою взрослые,
Нас ли удивишь?
И потому-то просто
Ты мне говоришь:

«Тот, кто придумал краски,
Разрисовал небеса,
Видимо, верил в сказки,
Верил в чудеса».

* * *

Л.Печалиди – сестре.

Я родился в городе курортном –
Где уж тут до пашни и сохи?
Стало быть, поэтом второсортным
Выдавал я на-гора́ стихи.

Правда, горы есть, и среди гор тех
Был поэт значительный убит.
Не принадлежу к его когорте –
Сердце мое все еще скрипит.

Северный Кавказ, скажи на милость,
Снежною качая головой:
«Почему так в жизни получилось –
Север полюбил я, но иной?».

Пусть простят меня отец и мама,
И сестра любимая простит –
Я поэт прекрасного Ямала,
Там, где солнце то встает, то спит.

Им, родным, поверить в это трудно,
Что уж объяснять тут не родным.
Мой отец – Кавказ, а мама – тундра!
Я – их сын...
Я благодарен им!

* * *

Душа людская
Не пуста,
Когда она
Сердца тревожит
И восторгается:
«О, боже!
Какая все же
Красота».

Такой немыслимый
Покой
И солнце, солнце
Над планетой!
И да пребудет вечно это -
Мир
Изумительный такой.

* * *

Я живу в углу медвежьем,
Но пою не волчьи песни,
Хоть, признаюсь,
Что надежде
Тут и холодно,
и тесно.

Только я живу –
Не плачу.
Вой метели
Мне по сердцу.
Собираю звезды-сдачу
От рассыпанных
Созвездий...

* * *

Я обнаружил море за окном,
Хотя до моря – целый месяц хода.
Оно звучало пушкинскою одой,
Переливалось синею породой
И вспыхивало яростным огнем.

И вот что странно – за окном моим,
Где парусами лишь рубашки наши,
Постиранные доброй тетей Машей,
Вдруг зазвенела, как труба на марше,
Мелодия, спрессованная в гимн.

И я подумал: «Боже мой! Она
Во мне росла и выросла до боли,
Я зреть не в силах силосное поле,
Лишь потому, что легкою триолью
В душе звучала синяя волна...

КУРОПАТКИНО СЕЛО

Заметает... заметает...
Заметает, черт возьми!
На лице улыбка тает –
Хоть на кладбище вези.

Впрочем, лишняя затея,
Заметет, и будь здоров.
Пролежу, как Мангазея
Пролежала пять веков.

Заметает в тундре дикой,
Валит снег со всех сторон,
Я лежу с печальным ликом,
Словно древний фараон.

Надо мною снежный вихрь
Ветры мощные несут.
Где-то рядом Худи Игорь
И олешки где-то тут.

И от этой мысли светлой
Мне спокойно и светло...
Хорошо, что есть на свете
Куропаткино село.

Кем я только в жизни не был,
Кем бывать мне не пришлось –
Я взлетал, как птица, в небо,
Землю рыл, как дикий лось.

Кем я не был –
Это легче
Нынче вспомнить...
Ну и ну!
От бессилья волком певчим
Выл на глупую луну,

Как медведь,
Я шел на приступ,
Рыбой в омут уходил,
Был горяч я и неистов,
И теперь вот угодил

В куропаткин чум...
И ветра
Тут не слышно,
И тепло.
Хорошо, что есть на свете
Куропаткино село.

О ТЮМЕНИ

О Тюмени не петь невозможно отныне,
Здесь такие глубины в народе открыли,
Здесь подняли наружу такие пласты,
А посмотришь вокруг – все скромны и просты.

Тот, кто прибыл на день, тот согнулся и убыл,
Мы же делаем дело не за северный рубль,
Не за ветреный рубль – смысл тут не в деньгах.
Мы стоим на прекрасных полярных ветрах.

Это ветры эпохи, это ритмы эпохи.
Ветры вдаль отметут все сомненья и вздохи.
Это юности нашей голубые ветра,
Это былью предстанет то, что было вчера.

Это пылью не станет – это песнею станет,
И в глубины веков наше дело не канет,
В третьем тысячелетье, в светлом будущем, там
Позавидуют ритмам, отпущенным нам.

1975 г.

ПРАЗДНИК СОЛНЦА

Ань торова*, Ань торова!
На хорее** солнце снова,
И звенят на нартах кольца –
Нынче праздник, праздник солнца!
В тундре праздник, в тундре праздник
И гостей здесь много разных,
Добрых, сильных и веселых,
В тундре праздник, праздник солнца.
Открываю в чуме полог,
До морошки путь наш долог,
Но о ней молва несется –
В тундре праздник, праздник солнца!
Это радость! Это счастье!
Словно птицы, нарты мчатся,
И душа запеть готова
Всей планете: «Ань торова!».

---

* Здравствуй (ненецк.)

** Шест для управления оленями (ненецк.)

ВАЛЬС НА ПОЛЯРНОМ КРУГЕ

От стеллы Полярного круга
Из детства уйдем навсегда.
Запомнятся лица друг друга
И белой ночи чистота.

Салехард – словно белый комочек
Горностая или песца,
Но на карте средь тысячи точек
Этот город отыщут сердца.

Какими мы в будущем станем,
Куда нас пути приведут?
Но чувствуем сердцем и знаем,
Что выбрали верный маршрут.

В заснеженном городе этом,
В суровом ямальском краю
Влюблялись мы в школьных поэтов,
В мечту мы влюблялись свою.

Салехард – словно белый комочек
Горностая или песца,
Но на карте средь тысячи точек
Этот город отыщут сердца.

ХАНТЫ-МАНСИЙСК

Как бы
Без особого риска
Голос сорвать,
Пропеть хвалебную арию
О городе Ханты-Мансийске?
Это – Швейцария,
Так сказать.
Почти
На слиянии двух вели-
Чайших рек,
Холм на холме
Холмом подстегивает,
Великолепные пихты и ели,
Дома деревянные
В позах ёговых,
25 000 всего человек.

Далее – проза. Эстет, не морщьтесь,
Это ль беда?
На Ханты-Мансийских улицах
Царствуют летом мошки.
Не вздумайте сунуться летом
Сюда.

Зимою – другое дело,

Прямо мечта.
Воздух такой –
Не надышишься.
Лишь бы пурга не свистела.
Дыши.
Бесплатно –
Не надо тысячи.
Красота!

Жить здесь можно охотникам
И рыбакам,
Поэтам, людям чахоточным,
Но, еще, пожалуй, совпартработникам,
Любителям водочки
И чудакам.

Угол... Аптека... Микроавтобус
Каплей течет...
И совершенно не верится
В то, что, планету копируя,
Глобус
Все-таки вертится,
Черт!

1973 г.

* * *

А. Сязи.

Народностей на Севере России
Считать, – не хватит пальцев на руках.
Доверчивые, мягкие, простые
Живут они в закрученных снегах.

Но доброта, доверчивость и мягкость –
Не лучшие на Севере черты...
Вот ненцы, например, не любят якать,
А жены их – как символ доброты.

И пусть не всё (как у любых народов),
Но руки жен веками создают
В движении осмысленных походов
Бессмысленный, казалось бы, уют.

Каслание закончилось – и сразу
Горит огонь в натруженных руках.
Для красоты тут не поставят вазу
Хрустальную, как в каменных домах.

Не расставляют книги и журналы,
(Хотя имеют их – поверьте мне).
Я сам полпред культуры на Ямале, –
Полжизни отдал северной стране.

И в чуме ненца вдумчивый порядок –
Случайность в нем совсем исключена.
Лишь то, что надо, под рукою рядом,
Рационально выставит жена.

А вечером поёт не шустрый шлягер –
Выпутывает жизнь свою из пут.
Олени скоро слижут здешний ягель,
И будет чум уложен в трудный путь.

Каслание по топям и болотам,
По рекам и речушкам...
И опять
На новом месте старая работа –
Уют недолговечный создавать.

«ЛАКОМБОЙ»

Л.Лапцую – поэту.

«Лакомбой», – так ненцы говорят,
«Лакомбой», что значит, до свиданья.
Их глаза, как звездочки, горят
Не земной – космическою тайной.

Им соврать, воистину, нельзя,
Как нельзя заполнить морем сушу –
Их орнаментальные глаза
Отражают искреннюю душу.

«Лакомбой», – я слышу в этом бой
Лакировке, ханжеству и дряни...
И не обольщайтесь – «лакомбой», –
Не для всяких-разных «до свиданий».

Разрываюсь я от этих дум
И хочу, чтоб поняли вы тоже –
Есть пришельцы!
Их ракета – чум.
Их одежда
на скафандр
похожа.

ПЕСЕНКА О СОЛНЦЕ

Солнце прячется в снегах –
Скоро потепленье,
И у солнца есть рога,
Словно у оленя.
Да, да, да! Есть рога,
Словно у оленя.

Вылетает солнца круг
Огненным тынзяном,
Солнце детям лучший друг,
Без него нельзя нам.
Да, да, да! Лучший друг,
Без него нельзя нам.

Тундра очень хороша
В малице осенней.
В тундре солнце, как душа
Мудрого оленя.
Да, да, да! Как душа
Мудрого оленя.

Как зимой прекрасен миг,
Солнышком согретый.
Здравствуй, счастье!
Здравствуй, мир!

Взрослые и дети!
Да, да, да! Здравствуй, мир!
Взрослые и дети!

СЫН РОДИЛСЯ

С.Нярую – композитору.

Это счастье! Это диво!
Весть, как ветер, вдаль несется:
Сын родился, сын родился,
Улыбается, как солнце.

Отыскать бы ноту-слово,
Чтобы имя зазвучало.
Нядамако, някоцова –
Сын родился – сын Ямала!

Я рассыпал в тундре яркой
Ноты песен, как морошку,
Соберет их мне в подарок
Сын Ямала – мой помощник.

* * *

Р.Кузоваткину.

Что этот северный размах
Для всей страны и мира значит,
Когда я видел – ненка плачет
С ребенком малым на руках?

Вы скажете: «Не в этом суть».
Конечно, нефть и газ важнее,
А что, ответьте, будет с нею,
Когда строения снесут,

Уйдут, железный бросив хлам,
Оставив черные подтеки?
Бедою горькие уроки
В дальнейшем обойдутся нам...

* * *

В.Салмину.

Тусклая, как лампочка в полватта,
Угасает деревенька Вата –
Самая последняя девчонка
Выскочила замуж за солдата.

И теперь, как утверждают слухи,
В ней остались древние старухи,
А они, при всей любви к деревне,
Не спасут родную от разрухи.

1976 г.

* * *

И хотел бы я заплакать,
Жизнь в остатке вороша,
Да неловко – рядом Яков,
Яков – светлая душа.

Он у нас на лесосплаве
Носит кличку «Борода»,
Он в заслуженнейшей славе,
Ветеранище труда.

Дикой силой обладая,
Не обидит муравья.
У него немолодая
И серьезная семья.

Переводит без остатка
Сумму круглую семье.
Чай он любит, чтобы сладко,
Водку, в общем, – так себе.

К тем готов всегда на помощь,
Кто не тлеет, а горит,
Только прошлое не помнит,
Ничего не говорит.

Даже если выпьет много,
Не сболтнет – всего-то дел,
Что по сталинским острогам
Лет пятнадцать просидел.

1986 г. Салехардская нефтеразведочная экспедиция.

* * *

И вонзились эти звуки в солнце,
А потом тревожно зазвучали.
Встретиться нам, может быть, придется
На границе музыки печали.

Были мы веселыми,
Были молодыми.
Стали мы печальными,
Стали мы седыми.

И вонзились эти звуки в месяц,
Он висел улыбкой над Ямалом.
И давайте все споем мы вместе –
На Полярном круге нас немало.

И вернулись эти звуки в утро,
В облака, летящие на села.
Тяжело быть молодым и мудрым,
Тяжело быть старым и веселым.

* * *

В.Шмакову, А.Никитину – друзьям.

Поднимается пар на лугу по утрам,
Будто тяжкой косьбой занимаются там.
Спят березы и сосны, и чуткий их сон
Охраняет цветами опутанный конь.

Он по лугу плывет, как по белой реке,
Он оставил меня и плывет налегке,
Он воздушнее, чем сновидений полет,
Он из послевоенного детства плывет.

Это ль было давно? Это было вчера –
Я в ночное ходил, песни пел у костра
И в бессмертие верил, как в чудо огня...
А теперь я белее, чем грива коня.

Белый конь, белый конь, белый конь, белый конь,
Ты душевные струны, как травы затронь,
И душа зазвучит, словно в детстве струна,
Что-то вспомнит она, что-то вспомнит она.

ЗАКОН – ТАЙГА

А.Иванову-Сибирскому,
композитору.

Ревет пурга –
Вправе реветь.
Закон – тайга,
Хозяин – медведь.
Вокруг зима,
Снега – круговерть.
Закон –тайга,
Хозяин – медведь.

Сибирская тайга –
На елях облака,
Хотел забыть,
Но забыть нельзя,
Сибирская тайга,
Суровые места.
Здесь можно жить,
Если есть друзья.

Течет река –
Не преодолеть.
Закон – тайга,
Хозяин – медведь.
Живем мы здесь,
Готовы терпеть.
Закон – тайга,
Хозяин – медведь.

ПЕСНЯ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

Мне сегодня не до смеха,
А до пальчика в ружье.
Я приехал, я приехал
В одиночество свое.

А в одиночестве моем,
Ах, в одиночестве,
Мы даже песен не поем –
Нам петь не хочется.

И жизнь, и жизнь издалека
Нам машет ручками.
И даже чудо-облака
Вдруг стали тучками.

Мне сегодня не до горя,
Не до горести ума.
С одиночеством не споря,
Понимаешь ты сама,

Что в одиночестве вдвоем,
Но в одиночестве,
Мы даже песен не поем –
Нам петь не хочется.

А жизнь, а жизнь издалека
Нам машет ручками.
И даже чудо-облака
Вдруг стали тучками.

* * *

Тюмени.

Это, видимо, судьба,
А не просто – тень.
Я люблю, люблю тебя,
Девушка Тюмень!

У тебя и с голосом
Нет проблемы, нет,
У тебя и волосы
Черные, как нефть.

А весною, по весне
Дарит мне сирень,
Словно в сказочном во сне,
Девушка Тюмень!

У нее и с голосом
Нет проблемы, нет,
У нее и волосы
Черные, как нефть!

Я люблю, люблю тебя,
Нет, не первый день,
Это, все-таки, судьба,
Девушка – Тюмень.

Нефть и газ, как волосы,
Но тельняшки нет,
У тебя и волосы
Черные, как нефть.

* * *

...А у России на окраине,
Но все же в нашенской стране,
Растут березки...
Словно карлики...
Не по душе – величине.

Их морозы жуткие морозят,
Их ветра жестокие гнетут,
Но растут российские березы
И Россию нашу берегут.

Подхожу к березовой я роще,
На колени становлюсь – и тут
Понимаю, что они не плоше
Тех берез, что в синеву идут.

Сколько надо мужества и силы –
И представить очень трудно мне,
Чтобы представлять мою Россию
В этой неухоженной земле.

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

(вальс)

Мэру города Муравленко –
В.А.Быковскому.

Я знаю, что живу в таком краю,
В котором то жара, то жуткий холод,
Я с нежностью признание пою:
«Люблю тебя я, маленький мой город».

Маленький город,
Маленький,
Сразу не разглядишь.
Ты – как цветочек аленький,
В сердце моем горишь.
Маленький, маленький,
Маленький, мой городок.
Помню, как шел я с маменькой
В школу на первый урок.
Маленький город,
Маленький,
Кто его разглядит?
Он, как цветочек аленький,
В сердце моем горит.

Я помню этот город-городок,
В нем было много воздуха, рябины,
Я был тогда красив, я был высок,
И девушки тогда меня любили.

Я верю, что я все-таки вернусь
Туда, где был когда-то очень молод,
И поклонюсь, сердечно поклонюсь,
Скажу я: «Здравствуй,
Маленький мой город!».

* * *

С.Ламбину.

Я такое вытворял,
Я такое делывал,
Я застегивал Ямал
На застежку белую.

Я шутил и пел шутя –
Время было славное.
Я считал, что буква «Я»
На Ямале – главная!

БЕЛАЯ НОЧЬ

Как будто шар надули над планетой,
А после пополам перепилили
И изнутри неясным странным светом
Ту часть, что над планетой, осветили.

Такая ночь, такая ночь, ребята!
Она – как символ северного лета,
Она скользит, как девушка куда-то,
Как девушка из музыки и света...

* * *

На губе на Обской –
на море,
На песчаной его косе
Самолетик – мечта факторий –
Филигранно и смело сел.

Ах, фактория!
Три домишка,
Два сарая и туалет,
А за ним, словно детская книжка,
Тундры ягельной пестрый цвет.

Всю-то жизнь я мечтал вчитаться
В мудрый смысл непростых страниц!
Надоело по свету шляться,
Надоело мельканье лиц,

Сумасшедшие наши стрессы,
Аритмический темп чудес,
Неожиданные интересы,
Ожидаемый интерес.

Устоять перед этим трудно,
Но однажды, махнув рукой,
Прилетел я в июльскую тундру,
В этот светлый ночной покой.

На губе на Обской – на море,
На песчаной его косе
Самолетик – мечта факторий –
Филигранно и смело сел...

БАБА ПАША

Всю жизнь свою
Баба Паша
И пашет, и пашет, и пашет.
Смеется:
«Смотри, Анатолий!
Не вздумай меня –
В санаторий.
А если и вздумаешь,
Малый,
То там работенки
Немало,
Пристроюсь тихонько
И буду
С девчонками драить
Посуду».

СЕВЕРНОЕ НЕБО

Словно смазанное лаком,
Обнищаньем высоты –
Небо, северным собакам
Прищемившее хвосты.
Иллюстрация немая,
Речь правдивую веду:
«Я иду, с плеча снимая
Занемевшую звезду».
Облака проносит мимо,
И луна не выше глаз.
Наше небо ощутимо,
Осязаемо подчас.
Северяне на дороге
Навевают мысли мне:
«То ли люди там, где боги,
То ли боги на земле?».

* * *

В.Н.Няруй.

В невода моей печали,
И друзья не ожидали,
Вдруг попалась рыба счастья,
Рыба счастья – черт возьми!
Был я к счастью безучастен.
Хочешь – режь меня на части,
Хочешь – рви меня на части,
Иль хоть как еще казни.
Я, конечно: «Да, спасибо!».
Но зачем мне эта рыба?
Я не знаю, что с ней делать,
Что с ней делать, черт возьми!
Я могу распутать смело
Всей моей печали невод,
Но зачем попалась мне вот
Рыба счастья?
С ней возни...
Я распутал невод грусти
И сказал: «Давай отпустим –
Вот уж не было печали –
Рыбу счастья навсегда».
Надо мною птицы-чайки
Возмущенные кричали,
Волны бедрами качали,
Но решил я: «Не беда!».

* * *

Показалась родина вдали –
Северное скромное жилище.
Тут не зарабатываю тыщи,
Но меня счастливее не сыщешь
На краю у краешка земли.

Пароходы поздние идут
И гудят печально и тревожно:
«До, свиданья, Салехард!
Возможно,
Белым летом встретимся мы тут».

Самолеты рвутся в облака,
Покидая деревянный город,
Только я стремлюсь в него, пока
По Обской губе не врезал холод.

Здравствуй, двухэтажный Салехард,
Родина двоюродная, здравствуй!
Ты не встретишь ставропольской астрой,
Но тебе, поверь, я очень рад.

Знаю – я пройдусь по мостовым,
Обниму трепещущие руки.
И жена меня через разлуки
Назовет испуганно на Вы.

1985 г. Владивосток – Салехард.

В СТОЛИЦЕ

Я уеду...
Очень скоро
Позабудется печаль,
Пепси-кола, пепси-кола...
Мне б водицы из ручья.

Мне водиться не пристало
С иностранною водой –
У меня в стране Ямала
И своей воды немало,
Хоть залейся с бородой!

Там у нас озера сини,
Сколько их – поди считай!
Реки мощные такие
В общем, изо всей России
Это самый водный край.

И когда в столице колом
Сердце встанет на дыбы,
Нужно мне не пепси-колы,
Мне простой водицы бы...

* * *

Мэру города Салехарда.

О, как прекрасен Салехард!
Зимой лежат снега, как сахар,
И лишь слепой не в силах ахнуть:
«Ах, как прекрасен этот град!».

Деревья в инее стоят,
Как белоснежные невесты,
И лишь глупейшие невежды
О них дурное говорят:

«Мол, дескать, ростом не ахти
И не сверкают красотою.
Сейчас красива? Так зимою,
А летом – господи, прости!».

Своя есть летом красота,
Но лишь влюбленный в этот город
Зимой не замечает холод,
А летом гнусные места...

СЕРЕБРЯНЫЙ ОЛЕНЬ

Вере Товкач.

Поверить в это трудно,
Как ночью в светлый день,
Живет в ямальской тундре
Серебряный олень.
Его увидит каждый,
Кто сердцем чист и смел,
Его увидит дважды,
Кто весел и умел.
А если вдруг случится
Беда вдали от трасс,
То он помочь примчится
В последний, в третий раз!

В ДОРОГЕ

И.Ступину.

Я расскажу тебе серьезно,
Как всякий русский человек,
Когда на белые березы
Вдруг ниспадает белый снег,
То исчезает очевидность
И вьется змейкой меж колес
Твоя шоферская обида,
Что ничего тебе не видно
На фоне снега и берез.
Такой простор, такая ширь,
И образ просится в сознанье:
Нале... Напра... – кругом Сибирь,
Как две коленки мирозданья.

2004 г. Тюмень-Екатеринбург.

* * *

Р.Ругину – поэту.

А вы видали северное небо?
Оно собой напоминает невод,
Водой переливается в нем воздух
И рыбьей чешуей сверкают звезды.

О невод чешут круглые бока
Диковинные рыбы-облака.

А вы видали северное небо?
Оно прелестно, как одежда Евы.
В нем тысяча оттенков, тонких линий,
А ночью – украшает месяц-бивень.

Но почему не слышу я ответа –
Так вы видали это небо летом?
В подзорную трубу – отверстье чума?
Прекрасней чуда не могу придумать.

Оно как будто спеленало чум,
Оставив нам дыхания чуть-чуть...

Я знаю –
Север не для всех,
А лишь для тех,
Кто полон силы!
А вам такой не снился снег
И ночи белые не снились!

Конечно,
Тут еще не рай –
Я тропку правды не нарушу,
Но я влюблен в суровый край,
В его талантливую душу.

* * *

И эта речка, там, внизу,
И духовые звуки вальса
Готовы вышибить слезу
У северянина-скитальца.

«Чета белеющих берез»,
Что разбежалась и застыла,
Не довела меня до слез,
Но светлой грустью покорила.

О, боже, боже!
Вот она –
Та сторона, где быль и небыль,
Где будешь пьяным без вина –
Лишь только брось глаза на небо.

А я-то, по свету таская
Груз пережитых мною дней,
Забыл, что родина такая,
Забыл, что родина родней.

* * *

Лечу над белым пламенем снегов,
Над черными ожогами оврагов
И кажется, что крылья самолета
И винт – в мое вмонтированы тело.
И это я по струям голубым
Скольжу, как птица,
С болью замечая
И шрамы перекрещенных дорог,
И холм, и одинокую сосну,
Торчащую, как памятник деревьям..

* * *

А.Герберу.

Снег, неожиданный, как негр
В моем сибирском далеке,
В июле начал падать с неба,
Но не приблизил нас к тоске.

Мы все работали устало,
И не заметили помех,
И даже радио Ямала
Не говорило – выпал снег.

А я шел тундрою зеленой
За солью, сахаром в село,
И было на душе влюбленной
Немного жутко, но светло.

Снег падал тихо и печально,
И тут же таял, черт возьми!
Он обречен был изначально
На смерть без вздохов и любви...

Ах, если б мне года вернули,
Иль мне вернуться в те года,
Когда срывался снег в июле,
И сам я падал иногда.

ТРИ МЕТРА

Такое на Севере низкое небо,
Что шапку я снял,
А на ней облака.
Мы речку тянули,
Попавшую в невод,
А речка свои раздвигала бока.

Она упиралась и сопротивлялась –
Зачем отдавать ей богатство свое?
Еще бы три метра –
Такая вот малость!
Три метра, три шага, три вздоха – и все!

Напарник мой плюнул –
И черная ругань
Взметнулась, как ворон, над тихой рекой.
И мы не смогли поглядеть друг на друга,
И что-то случилось и с ним, и со мной.

Как часто, идя против злобной метели,
Клянем про себя мы бессилье свое.
Еще бы три метра – и были б у цели,
Три метра, три шага, три вздоха – и все!

ЗЕЛЕНЫЙ ДОМИК

(песня)

Александру Никитину – другу.

Зеленый домик с белой крышей
На фоне сосен и берез.
Как будто кто-то верный вышел
И душу домика увез.

Домик зеленый с белою крышей,
Рядом – смородина...
Ты меня слышишь или не слышишь,
Малая родина?

В домик зеленый с крышею белой
Я не вернусь назад...
Что же мне делать, что же мне делать?
Сам виноват.

Дом стал глухим – не слышит птичьи
Разноголосые лады.
Лишь шум скользящих электричек
Его выводит из беды.

И я как дом, живу все тише,
Все меньше смеха, больше слез.
Зеленый домик с белой крышей
На фоне сосен и берез.

ПЕСНЯ О ЯР-САЛЕ

С.Нярую.

Белоснежная земля –
Яр-Сале родной поселок.
В нем живут учителя
Юности моей веселой.

Здравствуй, здравствуй, Яр-Сале!
Звездный час к тебе стремится.
Нет скромнее на земле,
Чем ямальская столица.

Не забыл я отчий кров,
Здесь из чума вышел в люди,
И, как первую любовь,
Яр-Сале я не забуду.

Посвящаю я тебе,
Яр-Сале, поселок светлый,
И запев свой, и припев,
Их подхватит тундры ветер.

Здравствуй, здравствуй, Яр-Сале!
Звездный час к тебе стремится.
Нет скромнее на земле,
Чем ямальская столица.

В.Вохниной –
директору совхоза «Россия».

Земля моя, ты много знаешь
Прекрасных чудо-городов,
Но мой поселочек Панаевск –
Моя надежда и любовь.

Ветра шумят, шумят над нами,
От городов мы вдалеке,
И лишь Ан-2 летит в Панаевск,
Приледеняясь на реке.

А люди здесь у нас такие –
Прекрасна Родина моя!
На самом краешке России
Совхоз «Россия» как маяк.

СЕЯХИНСКИЙ ВАЛЬС

Тамиле.

Очень узкая, как горло,
Эта речка Се-Яха,
А народ живет здесь гордый
По обоим берегам.

Раздвигай, гармонь, меха,
Сеяхинский вальс сыграю,
Про речушку Се-Яха,
Про любовь к родному краю.

Добираться к ней не трудно,
Лишь пурга бы не мела,
Далеко в ямальской тундре
Эта речка пролегла.

Летом здесь не очень жарко –
В этом нет большой беды,
По реке плывет бударка
И расталкивает льды.

А зимой под белым снегом
Речка сонная тиха,
Приглашаю вас побегать
По речушке Се-Яха.

* * *

Л.Горюновой.

Все тише сны...
Все реже сны,
Все больше маяты,
Но, вдруг, цветной и редкостный
Приснилась ты!

Опять смотрю я молодо,
Опять папахой чуб.
И снова мы в том городе,
Где был тебе я люб.

А я, солдат из армии
Таких, как я, солдат,
Считал, что лучше парня и
Не будет никогда!

Я не любил –
Полюбывал,
Давал себя любить,
А срок пришел –
И убыл я
Гранит наук долбить.

Разъехались, расстались мы,
И жизни наши врозь,

Уже почти состарились,
А встретиться пришлось.

Во сне цветном и редкостном,
Как на снегу рояль.
Все тише сны...
Все реже сны,
А жаль...
А жаль...
А жаль...

1990 г. Тюмень.

БЕРЁЗОВО

Мечта моя серьезная.
О ней пою я вновь.
Прийти бы мне в Берёзово
И встретить там любовь.

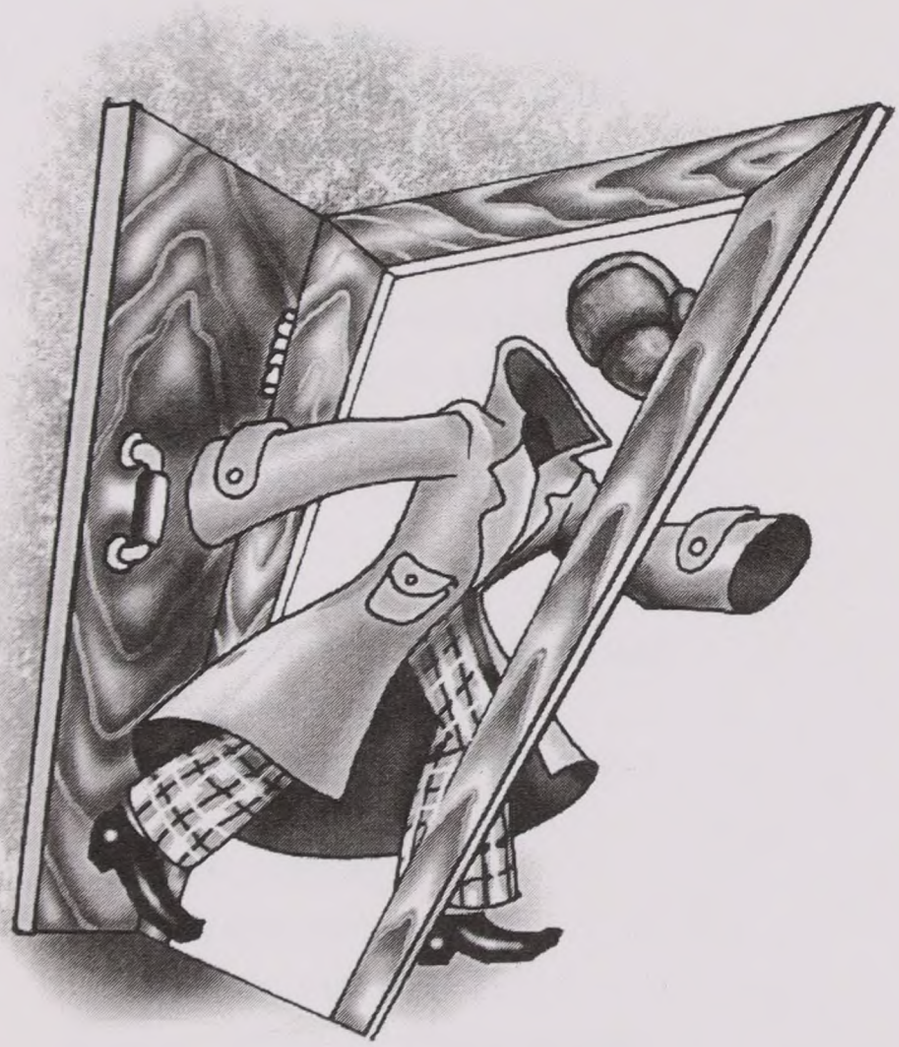
Берёзово, Берёзово,
К тебе я долго шел,
Я у твоей березоньки
Целую платья шелк.

И вот оно селение
Любимое мое,
Пришел без сожаления
И встретил я ее.

Вокруг просторы синие
И воздух-чудо тут,
Как символы российские –
Березоньки растут.

А зимы тут морозные,
Но согревает кровь.
Любовь к селу Березово
И к девушке любовь.

Берёзово, Берёзово,
К тебе я долго шел,
Я у твоей березоньки
Целую платья шелк.



В КОНЦЕРТНОМ
ЗАЛЕ
УНИКАЛЬНОМ...

* * *

Картина эта вам знакома?
Ушло мое пальто из дома.
Надело брюки, башмаки,
Ушло, мне не подав руки.

Надело шапку набекрень,
Презрело общую молву
И укатило в град Тюмень,
А может быть, и в град Москву.

А там господствует она, –
Она из капель, света, смеха
Непостижимая весна
Без огорчений и без снега.

Пальто спешит,
Пальто плывет
По лужам, спотыкаясь...
В нем что-то от меня живет.
Но что?
Понять стараюсь.

Пальто сбежавшее идет,
Отсутствием лица стесняясь.

* * *

Александру Старовойтову.

1

Мое изнеможденное лицо
На фоне всероссийского разгула,
Наверно, никого не обмануло,
Когда я вышел утром на крыльцо
Эпохи, истекающей в кольцо.
Хоть свежим ветром на него подуло.

Но где-то высоко, как нота ми
Второй октавы, а скорее третьей,
Вдруг зазвучала мысль, промчался ветер, –
Лицо свое на зеркале возьми,
В карман его – и там его казни...
Ну, разве можно жить на этом свете
Открытым?
Даже солнце – в облака
Уходит и луна...

Но в светлый день ворваться
Моей душе стерильной – никогда,
Душе,
Которая валяет дурака,
Как Шерлок Холмс
И верный доктор Ватсон.

Эпоха, завершая мрачный блиц,
Достойна вечного восторга-сожаленья,
Как Муссолини, Гитлер или Ленин.
И ей не нужно наших грустных лиц,
Хватает ей иных пустых страниц,
Как для камина жаркого поленьев...

2

Но я еще живой...
Меня казнить
Почти что бесполезно, как ни странно.
Лицо свое на зеркале возьми
И отправляйся в сказочные страны.

А там, увы, такая ж чепуха –
Такая же, как в городе Тюмени:
Прозрачную иронию стиха
Чуть мрачною сатирою заменят.

На чистом зеркале, увы, отыщут пыль
И снимут нимб неумного почета,
Трагедию сведут на водевиль,
Комедию – на драму хозрасчета.

1998 г.

* * *

У меня такая жизнь
Распроклятая,
Я вступил в капитализм
Левой пяткою.
Левой пяткой я вступил,
Правой некуда.
Я как будто и не жил –
Эх, поехать? Да!

Эх, поехать бы, поехать бы,
Но куда?
Не до смеха мне, не до смеха мне,
Жизнь – беда!

И у Вас такая жизнь
Ненормальная –
Вы вспорхнули только из...
Эпохального.
Левой пяткой Вы вступили,
Правой некуда,
Вы как будто и не жили,
Эх, поехать? Да!

Эх, поехать бы, поехать бы,
Но куда?
Вы поймете, не до смеха вам,
Жизнь – беда!

У меня от всех коммерций
И от горестных обид
Заболело даже сердце,
Заболело и болит.

Заболело и пророчит,
Видно, так заведено.
Вдруг однажды среди ночи,
Остановится оно.

Жизнь моя – сплошное сито,
То ли морзе, то ль курсив.
Сердцу я скажу спасибо
За нечаянный разрыв.

1993 г.

ПОРТРЕТ

А.Старовойтову.

Тихая
Ихая
Хая..,
Ая.

Глупая,
Лупая,
Упая
Пая.

Тонкая,
Звонкая,
Но не твоя.

Всякая,
Якая,
Но не такая!

ДАВЛЕНИЕ

Голове моей на удивление
Поднялось наверх мое давление...

Голова спросила: «Ты чего?
Ты чего вскарабкалось встревоженно,
Ты чего поэта обезножило
И обескуражило его?

Он хотел создать стихотворенье,
Чтоб оно осталось бы в веках».
На такую чушь мое давление
Выдавило искреннее: «Ах!».

Ах, как много тех,
Что метят в гении,
Ах, как много тех,
Что жили-были,
Ах, как много их стихотворений
Отвергали даже в «Крокодиле»...

ЭПИГРАММА ПОЭТУ Н...

«Я дня без строчки», –
Вот девиз поэта...
Ему бы руки
Оторвать за это.

Поэт: «Поэт в России больше, чем поэт».
В другой стране нуждаются в таланте,
Найти на книжку денег...
Денег нет,
Но не искать их всё же в Таиланде!

Графоман: А почему бы нет?
Ищу повсюду,
Мне даже эскимосы помогли,
Я предложил им холодильную посуду –
И потекли в издательство рубли.

Издатель (показывает великолепно
изданную книгу Графомана):
И вот шедевр издательских высот,
Такое чудо Пушкину не снилось,
А графоману все-таки везет,
Хотя стихи его, по сути, – силос!..

P.S.
По ходу этой пьесы –
Еще есть поэтессы,
Которые узнали
Давно уж денег вкус,
А также ветераны,

Зализывая раны,
Патриотизма жизни
«Окучивают» куст.
А есть еще пройдохи –
Все пуки свои, вздохи
И прочную бездарность
В издательства несут...
А в них не крутят фиги,
В них издаются книги,
Которые не вспомнят
Пока не обзовут.

Но всех сложнее – сложность,
Что, обретя безбожность, –
Отсутствие таланта –
За сложность выдает
Такие выкрутасы –
То тенором, то басом,
Что книги, эх, Марласов,
Уж не берет народ.

* * *

Печататься –
Не значит быть поэтом,
Как часто забываем мы об этом,
Как часто среди книжной шелухи
Мы ищем настоящие стихи.

А я считаю, что простой ручей
Гораздо поэтичнее речей...

* * *

Я расскажу, как дело было,
А может, было, но не так –
Создать собака предложила
Ассоциацию собак.

И ну – разгавкались собаки
За право межсобачьих драк,
Но дело не дошло до драки
В Ассоциации собак.

Ученый был великий Павлов –
Он резких избегал шагов,
Он очень мудро, очень плавно
Собак стравил на… кошаков.

И кошки бегают, за так! –
От агрессивности собак!

* * *

Ты, математика, невеста ли?
Да, боже мой!
Прости меня –
Он обнимался с неизвестными,
Тем более, – еще с тремя!

ОСТОРОЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Фридриху Хеббелю.

Жил когда-то человек
Осторожный – он не вякал,
Не смеялся и не плакал,
И не думал – вообще.

Осторожным был во всем
Даже в мелочах случайных –
Тряпкой брал холодный чайник
«Мало ль будет что потом?».

Человечек жил да был,
Никого душой не трогал –
Ни жены своей, ни Бога,
И про черта он забыл.

Туч не видно – он с зонтом,
Солнце светит – он в фуфайке,
В шерстяных кальсонах, в майке –
«Мало ль будет что потом?».

За здоровьем за своим
Он следил весьма пристрастно,
Накупал лекарств он разных,
Чтобы насморк не свалил.

Все инструкции лекарств
Знал он, как свои перчатки.
Умер он от… опечатки,
Рассмешив и вас, и нас!

* * *

Рассыпал соль —
И убежал из дома,
Хотя признаюсь честно, что уже
На голове не желтая солома,
Она, меня простите, в неглиже.

Иду по свету —
Странная картина...
Как хорошо идти и не скорбеть,
Что у соседа новая машина.
И хочется веселое запеть.

И запою!
Мне ничего не стоит.
Я никого на свете не боюсь.
Подумаешь — рассыпал соль на столик.
Я, может быть, в красавицу влюблюсь.

А может быть, напьюсь я и заплачу,
А может быть заплачу и напьюсь,
Раздам детишкам на конфеты сдачу,
Я никого на свете не боюсь.

Рассыпал соль... Подумаешь — примета!
Вон сколько в море соли,
Но оно

Не сердится нисколечко за это
И не бросает
блюдечки
в окно.

В стихах юнца так смысла много,
Так мудр неокрепший бас,
Что кажется – его дорога
Уже кончается сейчас.

А вот седой, спина с горбинкой,
Так распевает о любви,
Что кажется – его тропинка
Лишь начинается...
Увы!

* * *

Пропадаются деньки,
Что ни шаг – одни пеньки,
Ни тебе разумной мысли,
Ни талантливой строки.

Хочешь море, но в ответ –
От ближайшей лужи свет,
И такое ощущенье –
Будто счастья в мире нет!

* * *

Никогда в таланты я не метил –
Мысль о том казалась мне пошла.
Жизнь прошла, а я и не заметил,
Я и не заметил – жизнь прошла.

Одеяло неба ниспадало
На мои усталые глаза.
Я подумал: «Как я прожил мало...
Можно ли еще?».
Увы, нельзя.

СТАРОСТЬ

Жизнь моя уже не греет,
Не поет и не звучит,
Как гармошка батареи
Растянулась и... молчит.

* * *

Я – одинокий по натуре,
Но так моя сложилась жизнь,
Что пел я соловьем в культуре,
Восхваливавшей коммунизм.

А по ночам, когда не нужен
Веселый возглас соловья,
Я с одиночеством был дружен –
И пел другие песни я.

Неслись года невозвратимо,
Взрывались старые грехи,
А я писал невозмутимо
Свои негромкие стихи.

Но пронесутся эти бури,
И вспомнят, жил ночной поэт.
Он одинокий по натуре –
Хотя всю жизнь пропел в культуре,
Которой не было и нет.

* * *

Я петь хочу — и я пою,
Я надоел?
Адью!
Видали?
Стоять хочу – уже стою,
Лежать — лежу на сеновале.

Всё, что возможно захотеть,
Могу я взять, хотя б под ссуду.
И даже если умереть
Не захочу – бессмертным буду!

ИЗ РАННЕГО МАЯКОВСКОГО ИЛИ ПОЗДНЕГО МАРЛАСОВА

В.Шмакову – другу.

Хорошо Шерлок Холмсу –
У него был Ватсон,
А я устал слушать сердца неровный стук.
Даже одежда не хочет на меня одеваться,
Даже пуговицы не слушаются одеревенелых рук.

Вчера беседовал со своими брюками,
Уговаривал их, молил:
«Вы столько раз падали перед всякими суками –
Встаньте сегодня на ноги мои».

И только сейчас воткнулся в ногопроводы,
А где же ботинки – несчастье мое?
На одежду не действуют никакие доводы,
Выход один – выхожу без нее.

Бреду переулками Слез и Печалей,
Втыкаюсь в улицу Полнейшего Бардака.
Неужели люди не замечают,
Что сущность моя светла и легка?

Я полон любви ко всему человечеству,
Плевать бы на голого короля!
Ахнут ракеты, и делать нечего, –
Станет голою вся земля.

А люди...
А люди останутся всё же –
Малая горсточка, увы,
Снова оденутся в шкуры и в кожи
И станут совершать таинство любви.

Девушка!
Вы слышите это пророчество?
На Вас такая дубленка, такие меха...
Неужели Вам раздеться не хочется
Под впечатлением этого стиха?

Шутка.
Плоская.
И не более.
Плевать бы на голых королев!
Сердце мое разрывается болью,
Как состояние на тысячи рублей!

...По-моему, есть Всекосмический Разум.
Его обладатель – не джентльмен.
Он на Земле, как на собственной хазе,
Ставит дурацкий эксперимент –

Жизнь, как в колбе, доводит до высшей ступени,
А потом, усмехаясь слегка,
Низвергает ее до ничтожного пепла и пены –
И над горсткой людей вновь плывут облака!

* * *

А.Рахвалову.

Я беднее церковной крысы,
Зато гонора – на троих.
У меня «гениальные» мысли
И почти «гениальный» стих.

В истерическом повороте
На движенье в капитализм
Будто в яму попали в полете,
Как в пародию на жизнь.

* * *

Новый русский говорит,
Он болтать не станет,
«У меня душа болит
О своем кармане».

Старый русский – не дурак,
Как это ни странно,
Говорит с улыбкой так:
«Нет вообще кармана!»

* * *

Антону Шароеву –
дирижеру Тюменской филармонии.

В концертном зале уникальном
За небольшую плату
Танцует дирижер руками
И головой патлатой.
Он для движения потерян
На время выступленья,
Он к сцене накрепко приклеен,
Как к мавзолею – Ленин.

2000 г. Тюмень.

* * *

Н.Шамсутдинову
посвящается.

Не пишется, как Коле Шамсутдинову,
Связавшему поэзию в единое
С наукою тончайшей – математикой,
В его стихах эротика от батика;
В них вымерено всё – до многоточия,
Ах, почему же мне вот так не хочется?

Я не дружу с науками точнейшими,
Я больше всё то с рикшами, то с гейшами,
И если первые – те больше молчаливые,
А гейши, как положено, счастливые,
То я предпочитаю серединное –
Пишу, не подражая Шамсутдинову.

Но я ему завидую по-белому
И ничего с собою не поделаю.
Стихи он пишет – это точно знаю я –
С чудовищною силой расписания,
Способность есть у гения завидная,
В день три шедевра – норма Шамсутдинова.

* * *

Зоту Тоболкину – драматургу.

Ты живешь в трагедии –
Снег и дождь.
Я живу в комедии –
Ну, и что ж?

Жизнь-то обесценена,
Вася – вождь.
Все живем на сцене, но...
Ну, и что ж?

Бились мы и вот она –
Сотовая ложь
Из комедий соткана...
Ну, и что ж?

Что же тут поделаешь,
Что возмешь,
Если власть – дебелая...
Ну, и что ж?

Я не принц,
Не – леди ты...
Мы из разных лож.
Смотрим мы комедию –
Ну, и что ж?

1997 г. Тюмень.

ДРУГУ

Б.Шпильковскому – режиссеру Тюменского телевидения.

Привязали козлика к розетке,
Привязали накрепко – и вот
Новостей печальные объедки,
Сладкие и горькие конфетки
Он, как провинившийся, жует.

Надо же терпение коровье
Козлику иметь, чтобы жевать.
«Утреннюю почту» и «Здоровье»,
«Сельский час», а к часу предисловье
И спок. ночи малышам желать.

Не встречал козла такого тише
В клубе путешественников,
М-да...
Начинен он и «Киноафишей»,
«Поиском», в котором кто-то ищет,
Передачами «Что, где, когда?».

Но зато, когда отвяжут на ночь
Сонные, как мухи, пастухи,
Он читает, как это ни странно,
Не для тех, кто давит на диванах, –
Тихие и добрые стихи.

И в него влюбленная немножко
(Кто сказал, что про любовь нельзя?)
Слушает застенчивая кошка
И таращит на него глаза.

* * *

Диме Шпильковскому.

Печальный человек на радостной улице
Натыкался на собственную тень.
И, получая от нее пощечину,
Думал: «Ну, почему?».

Почему солнце идет слева – направо,
Почему – не наоборот,
И почему радуга – семицветная,
И денег не хватает до зарплаты?

Радостный человек на печальной улице
Обнимался со своею тенью.
И, получая от нее поцелуй,
Думал: «Ну, почему?

Почему солнце идет направо, но слева,
Почему такая вот жизнь?
И жена у меня королева,
И денег у меня – завались!»...

* * *

Влюбился телеграфный столб
В Останкинскую башню,
В интригах знал он смысл и толк:
«Эх, завести бы шашни!»

Телеграфировал ей он
В прекрасную столицу:
«Я Вашим стилем покорен,
На Вас готов молиться».

Ему ответила она
Великая, как Ельцин:
«В России я у вас одна,
Все, что вокруг – все мельче».

И деревянный столб в слезах
Читал советы башни:
«В периферийных городах
Свои ведите шашни».

Телеграфировал ей он
На всем знакомый адрес:
«Люблю лишь Вас.
И удивлен
Намеками на атлас!».

* * *

Если бы меня назначили,
А выбрали – было б полезнее,
Каким-нибудь высоким начальником,
Например, министром поэзии,
То первым моим декретом
(И вряд ли придумать лучше)
Я запретил бы подвластным поэтам
Сочинять об Александре Пушкине!

* * *

В.Крапивину – прозаику.

Я – поэт,
Поэту можно
Дернуть рюмочку с утра.
Увидав такую рожу,
Закричит солдат
«Ура!».

Полыхают,
Как знамена,
Нос и красные глаза...
Я – поэт.
Поэту можно,
А прозаику...
Нельзя.

ГИМН ВОДКЕ

А.Решетову.

Как пишется легко,
Как пишется в охотку,
Когда не молоко
Пью, а простую водку.

Встает прекрасный мир,
Когда залью я в глотку
Не тягостный кефир –
А радостную водку.

И надо для стиха
Совсем немного – сотку.
Не вижу я греха
В том, что люблю я водку.

Но трезвостью дышу,
Толкая жизни лодку,
Когда я не пишу, –
То бишь, не пью я водку.

1998 г. Пермь.

* * *

В.Рукину.

В убогой будке деревянной
Я выпил триста грамм подряд,
И моему желудку пряник,
Непредсказуемый,
Был в лад.

Я был отчаянно голодным,
Но был, как солнышко, ничей.
Я пил, как говорят, в народе,
Среди талантливых бичей.

Один был раньше генералом.
Другой – известнейший поэт,
А третий гордостью к Ямалу
Переполнялся с малых лет.

Я был как белая ворона,
Но не кричал душе «Постой!».
Я не имел в душе урона
В компании великой той.

Я их любил.
Они – что надо!
Они надежные друзья,

Их, как медальные награды,
Блестели пьяные глаза.

А генерал потом заплакал,
Поэт пытался что-то спеть,
Лишь только чокнутый не вякал,
А мне хотелось бы успеть

Сказать им ласковое слово,
Зайдя притом издалека,
Что жизнь могли начать бы снова,
Коль не валяли б дурака.

Ну, а пока, как незабудки,
В неисчислимых лопухах,
Мы пили в деревянной будке,
Не помышляя о делах!

1995 г. Нижневартовск.

МЫ ВАЛЯЕМ...

Накатил я полстакана
И еще полстакана́,
И закуску у Ивана
Попросил... Сказал он: «На!».

Посмотрев немного дерзко
На лихого молодца,
Он от щедрого от сердца
Дал огрызок огурца.

Мы с Тамарою сидели
У пивного у ларька,
Что-то пили, что-то ели –
И валяли дурака.

Кандидат наук ненужных
Все смотрела свысока.
Принесла она на ужин
Целый литр молока!!!

Я ее за груди трогал,
Груди дергались слегка,
Но она сказала строго:
«Не валяйте дурака».

Очень часто мы в кутузке
С ней бывали, а пока
Нам плевать на новых русских –
Мы валяем дурака.

ИЗ «ПЕКИНСКОЙ ТЕТРАДИ»

1

Выпил я китайской водки,
И она застряла в глотке.
Лучше бы не пил ее,
А купил жене колготки!

2

Я в Китае Пикассо –
Знаменитое лицо,
И зовут меня в Пекине
По-китайски – Мар-ла-со!

3

Я на этих Китаёз
Не могу смотреть без слез –
Словно белки жить не могут
Без крутящихся колес.

4

И от этой гадкой жизни,
От которой спасу нет,
Захотел я скоммуниздить
У китай-са – лисапед.

5

Нет!
Китай – большая тайна,
Нам не стать с Китаем в ряд,
Здесь китайцы, как ни странно, –
По-китайски говорят!

* * *

Хоть долетели мы до звезд
И в космос, радостные, вышли,
Я утверждаю –
Мир наш прост,
Как косточка от вишни.

СРАВНЕНЬЯ

Небо маленькое, как шляпа
Соседа-гуляки...
А какова же лапа
У сына моей собаки,

Тем более, что собачка,
В которой души не чаю,
Не более, чем пачка
Индийского чая?

* * *

Алфавит от А до Я
Говорит: «Вот жизнь моя».
Может, в жизни все иначе,
Может все-таки не так,
Почему же мягко плачет,
Мягко плачет твердый знак?

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ

Когда штаны снимаю,
Садясь на унитаз,
Я часто вспоминаю
Рождественский рассказ.

Как мальчик с голой попой
Ждал папеньку с войны,
Но тот не из Европы
Пришел —
Со стороны,

Где снежно выли ветры
И где до смерти враз
Гораздо меньше метров,
Что на войне подчас...

...Отцу вручили литер,
Приехал он с дождем...
А мальчик попу вытер
Газетою с вождем.

* * *

Вот разница в сравненьях:
Есть Крупская и Ленин,
Но в жизни все не ново —
Надежда есть – и Вова.

ШУТОЧНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ В ТЮМЕНИ

Обком –
Напротив –
Исполком,

А между ними страшный Ленин.

Как будто
Он готов мгновенно
Взорвать и тот,
И этот дом.

ТРИПТИХ

И.В.Жукову.

1

Я не хочу стареть и быть
Какой-нибудь развалинкой.
Я не хочу себя любить
На пенсии – и в валенках.

Я не люблю в себе того,
Хромающего к старости.
Я и умру, но иго-го! –
От ощущенья радости.

2

Великих рек речная речь
Неторопливая на вид,
Ведь их задача – течь и течь,
А мелких – звонко говорить.

И суетиться, и скакать.
И делать вид великих рек,
И отражаться в облаках,
Пытаясь растянуть свой век.

А реки мощные несут
Среди лесов, полей и рощ
Свою стремительную суть
И оглушительную мощь.

3

Благоустроенный типаж
Сейчас собой я представляю –
Квартира, солнечный этаж,
По вечерам с женой гуляю.

И выпить есть и есть поесть,
Но уж такой я, видно, комик –
Казалось, все, что надо есть,
А сердце почему-то колет...

СОПЕРНИЦА

(сказка)

Печальная, как ива над прудом,
Девчонка заглянула в шумный дом,
Где свадьба шла, бежала, торопилась,
Где много елось, пилось, говорилось,
Где во главе огромного стола
Ячейка зарождалась и росла.

Глава ячейки, словно слопал лом,
Хотя не ел, не пил он за столом,
Он восседал и все смотрел на стену,
Но обреченно, как печальный гений,
Как будто наблюдал в ней перемену
Каких-то лиц, каких-то полутеней.

А рядом с ним вся в белом, но простая,
Невесточка из рода горностая,
Фатой ему по пояс доставая,
Сидела и молчала, чуть живая,
Хотя лицо крысинного отлива
Светилось все надеждою счастливой.

Я был на эту свадьбу приглашен.
Я был чужим, но понял хорошо,
Что я свидетель той, грядущей драмы...
Вот гостья заглянула, а у мамы
Вдруг сердце оборвалось... И невеста

Заёрзала, как бы занявши место
Чужое, не по росту, не по праву.
И заорали: «Горько! Нам по нраву!».

И в тот момент, когда они губами,
Скорее не губами, просто лбами,
Соприкоснулись – страшный крик раздался!
И в тот же миг я с памятью расстался.
Потом сказали: «Девушки не стало»...
А за окном металась птичья стая,

И над столом промчалась низко птица –
Пронзительная, тонкая, как спица.
Она воткнулась в дымное стекло
И улетела с птицами в село,
А может быть, за тридевять земель?..

Я рассказал, но чувствую, что мне
Не верите вы...
Как могло случиться
В наш просвещенно-электронный век,
Что превратился в трепетную птицу
Пусть даже и влюбленный человек?

Такого быть не может оттого,
Что быть не может, в принципе, такого.
Но я ведь не придумал ничего,
Но я ведь не добавил своего
Пусть даже фантастического слова.

Я утверждаю вновь, и вновь, и вновь –
Кто верит сказке – верует в любовь.

* * *

Тяжело быть луной,
Беременной
бессонницей,
Но в сто тысяч раз
Тяжелее
быть
солнцем!

Тяжело быть морем –
Земли
разорвавшейся
раной.
А представляете,
Как нелегко
Быть океаном?

ФАНТАЗИЯ В СТИЛЕ ДОЖДЯ

Мурату Хашагульгову –
светлой памяти его.

Жарко в Прохладном...
Станция эта
Вся переполнена солнечным светом.
Всюду он...
И невозможно поверить
В тени акаций и прочих деревьев.

Белые голуби в небо взлетают,
Хлопьями снега над крышами тают.
В небе ни облачка.
Испепеляя,
Солнце смеется, свободно гуляя.

Людям тут, видно, живется счастливо,
Все они – бронзового отлива.
Все расползлись по прохладным конторам
И предаются делам, разговорам.

Я лишь, приехавший с дальнего края,
Так одиноко под солнцем гуляя,
Белое тело свое не жалея,
Солнцу дарю, от предчувствия млея...

Счастье предчувствовать – горе ли это?
Чувствую – дождь собирается где-то.

Я объясняю случайным прохожим:
«Дождик пойдет».
А они: «Не похоже».

И отмахнулся один: «Перестаньте!
Это – в Прохладном,
А не в Бургустане.
Видите – солнце такое,
Как вымпел».
Бабка вздохнула:
«Он, видимо, выпил».

Бабушка, нет!
Я не пью. Извините.
Сердце готово для чуда открытий...
Чувствую я – собирается где-то
Дождик пролиться над частью планеты.

«Нету ни облачка!» –
Бабка сказала.
Тут же исчезла – и облачком стала.
Ветер подул, и внезапные тучи
Вдруг понеслись, как огромные кучи.

Стало в Прохладном немного прохладней,
«Дождик пойдет – указали вы, ладно!
Только смотрите, картина какая –
Молнии нет ни одной,
Не сверкает», –

Это девчонка лет этак в семнадцать
Вздумала вдруг надо мной надсмехаться,

Что ж, я исправлю и эту ошибку –
Молнией кинул девчонки улыбку.

«Вы – хулиган, – возмутился прохожий, –
Облако, тучи и молния тоже
Есть компоненты дождя.
Нам знакомо.
Нету дождя, –
Грохотал он, –
Без грома!».

«Что ж», – я вздохнул, и мужчины не стало.
В небе тотчас что-то загрохотало.

Молния снова меня осветила,
Гром, чуть помедлив:
«Кого полюбила?
Он – хулиган.
Не ошибся я в этом.
Экий дурак, что связался с поэтом!».

Чувствуя странную боль и тревогу,
Стал отходить я душой понемногу –

Молния в девушку вновь превратилась,
Гром громогласный – в мужчину,
За милость
Право он принял отцом быть невесте...
Так и живем мы, счастливые вместе.

Жарко в Прохладном...
Как в юности, жарко.

Все переполнено солнечным светом.
Только вот бабушку-облачко жалко –
В той суматохе растаяла где-то...

* * *

Свою жену,
Как куколку, одену,
И стану другом ей,
И стану тенью...

Моя жена,
Как куколка, одета.
Она плевать
Хотела на поэта.

А другом ее стал
Один спортсмен.
И после этих чудных перемен
Я так решил:
«Как куколку, раздену
Жену достопочтенного спортсмена».

* * *

Чем праздник отличается мужской
От женского? –
Жена спросила мужа.

И ей мужчина
Выдавил с тоской:
«Восьмого марта – это выходной,
А мне в свой праздник
На работу нужно».

«Чем праздник отличается мужчин
От женского», –
Муж был навеселе.

«Ты и Восьмого марта –
Важный чин,
И в день мужчин себя ведешь,
Как господин,
А я всегда,
Как белка в колесе».

* * *

Давай представим,
Что через кухню протянутая веревка,
На которой подштанники, как подснежники,
Не что иное, как воровка
Нашей с тобой нежности...

* * *

А я люблю...
Конечно, это право
Любого человека на земле,
Но если я скажу, что я люблю
Не ту земную, что всегда со мною
Законную и верную жену,
А ту, которой нет еще ни в сказках,
Ни в смелых сновидениях фантастов,
Которая из лунного сиянья,
Из полумрака звезд,
Из света солнца
Моим воображеньем создана
То знаю – на меня посмотрят люди,
По крайнем мере, как на чудака.

Но я люблю!
И в этом нет намека
На фальш или на позу, нет,
Ведь я люблю ее,
Как небо любит росчерк –
Тончайший росчерк птичьего полета,
Как волны моря любят чайку, вторя
Ее полету рокотом прилива.

Да, я люблю...
Но ведь на самом деле
Был безнадежно я б оптимистичен,
Когда б любил, но знал,
Что нет ее на свете
И быть не может только потому,
Что соткана она воображеньем
Из серебристых нитей полумрака, сиянья, света
Звезд, луны и солнца,

Но я люблю...
Смотрите с понимающей улыбкой
И думайте в душе: «Какой чудак!».
Но пусть не я, зато мой дальний правнук
Ее за плечи тихие возьмет
И поцелует в трепетные губы,
И уведет!
А я, а я...

А я услышал голос
Своей простой, как дважды два, жены:
«Ты знаешь, милый?
Мучает изжога –
Подай-ка соды и стакан воды!»...

* * *

И пить перестать, и курить перестать,
И можно, желанье имея большое,
По внешнему облику юношей стать,
Но что вы прикажете делать с душою?

Давайте, товарищи, верно рассудим –
Страдать мы душою до смерти не будем!
Но чувствую – жизнь наша будет другая,
Когда заживем мы, себя сберегая...

СКАЗКА

Моя любимая жена
В моих друзьях души не чая,
Дала и фруктов и вина,
А после – по стакану чая.

Мы говорили о стихах,
До полуночи не стихая...
Моя любимая всё – «Ах!
Как восхищаюсь я стихами».

Друзей до двери проводя,
Она им кланялась сердечно
И говорила: «Завтра, да,
Вы посетите нас, конечно?».

Прибрала творческий бардак –
Тарелки, вилки и бутылки
И улыбнулась мне, да так,
Что долго я чесал в затылке.

И скромной нежностью полна
Она была мила на милость,
И я не выдержал:
«Жена,
скажи по правде –
что случилось?».

* * *

Я, конечно, ошибался
И сбивался на фокстрот,
И прощения у вальса
Я просил, как идиот.

А вокруг кружились пары –
Пар таранил потолок.
Шуры-муры, тары-бары,
Кто-то девку поволок,

Кто закооперативел,
Кто совсем закостенел...
Мир мне этот опротивел,
Повернулся я к стене.

И твердил,
Что свет наш – светел,
И не так уж тьма темна,
И не так уж страшен ветер,
И зима не холодна.

* * *

В.Н.Зайцеву – директору РБА.

Я думаю:
«Что есть библиотека?
Быть может, это символ просвещенья,
Или набор начитанных отмычек,
При помощи которых идиоты
Нас убеждают,
Что они умнее?

А, может быть, она музей, в котором
Хранятся экспонаты – книги,
И женщины – беспомощные маги,
Отхаркиваясь пылью от стихов,
Нам выдают величество бумаги
С печальною отметкою грехов.

А может это – Центр информаций
С названьем наимодным Интернет?
И да, и нет...
Я, впрочем, предпочел бы многоточие.

* * *

В рекламе пива я актер приятный,
Испытанный – не буду, братцы, лгать.
О, режиссер!
Снимаюсь я бесплатно,
Но дублей надо много предлагать!

* * *

А.Гришину – поэту.

Ничего в поэзии не стоя,
Я умру, как лошадь от застоя.

Облако над тихою деревней,
Проплывет как траурный листок,
И в тиши прошелестят деревья
«Слушайте – он все-таки не смог».

И моя прабабушка Марина
Вдруг завоет искренно и длинно...

А потом, не верящая в Бога,
Скажет тихо (чтоб не слышал Бог):
«Надо бы пожить ему немного».
И вздохнет: «Он все-таки не смог».

Господи, прости меня за смелость –
Я прожил не так, как мне хотелось.

Мало ли слова каких я песен
В сердце переполненном берег,
Мало ли, что был с друзьями весел,
Главное, что все-таки не смог.

Видимо, судьба моя иная –
Я не смог прожить, любви не зная.

* * *

А.Никитину, В.Шмакову.

Я смерть готов принять без лишних слез
Лишь потому, что страшно жить всерьез..,

Я сбился с заданного курса,
Я жил, как будто жил во сне,
И до сих пор обидно мне,
Что небосвода не коснулся,
И умер, словно не проснулся...

* * *

А.Е.Андрюшкину,
руководителю тюменского
оркестра русских народных
инструментов.

Какой-то странный гражданин
Со странною фамилией
Идет ко мне – и не один.
Помилуйте!

Какие странные глаза,
А брови, а ресницы?
Хочу проснуться, да нельзя –
Ведь, это мне не снится.

Какая странная страна –
Засраная, великая
И не моя – моя вина,
Что я сейчас пиликаю

На домбре-пикало. Один!
На балалайке горя ли...
Какой-то странный
Граж-*до*-нин
Со странною гармонией.

* * *

Я, наверно, ослепну –
Не могу я смотреть на тебя!
Ты красивее ливня
И прекраснее красок огня.
Посох белый возьму
И пойду по лугам и степям,
И навеки исчезну...
И никто не увидит меня.

Я оглохну –
Мне слышать неловко сие –
Дескать, я недостоин
Созвучий великого дня.
Посох белый возьму,
Не услышу проклятье твое
И навеки исчезну...
И никто не услышит меня.

Я, конечно, умру –
Перейду эту вечную грань,
Что видала политиков всяких
И всяких менял.
Посох белый возьму
И уйду в предрассветную рань...
Но ведь ты никогда,
Никогда не забудешь меня?

1983 г. Салехард.

Что такое сирень?
Ну, подумаешь, кустик расхожий.
Но однажды попал я...
Да не надо, не в город Тюмень!
Там не лица, а лики.
Потому что там каждый прохожий
Нес любимой своей не морковку, бурак,
А сирень!

Я был там, как нечаянно стукнутый сеткой,
Той, в которой картошка, морковка, бурак.
Мне сочувственно вслед говорили:
«Наверно, советский».
За прохожими шел я, как последний дурак.

Да, конечно, последний...
Шел и нюхал сирень я.
Боже мой!
Говорили, что нету цветов.

1981 г.

* * *

Я знаю – когда-нибудь сердце
Устанет от счастья-печали,
И выскочит сердце из клетки,
И только его вы видали!

Над домом, над тихой беседкой
Умчит оно на самолете,
И станет легко вам без сердца,
И вы ничего не поймете.

А сердце не сгинет бесследно,
В безвестность глухую не канет.
Но только хорошее сердце
Каким-нибудь деревом станет.

Поймите, – деревья срубая,
Давно бы мы нищими стали,
Но предков сердца, исчезая,
Деревьями произрастали.

Поэтому множатся джунгли,
Тайга и рязанские рощи
И люди, хорошие люди
Живут всё светлее и проще...

* * *

Заморские птицы,
Размеренный быт
И чудо не снится,
И нечему быть.

Январь!
Значит – сани,
Июнь – на весло.
Не по расписанью
Меня занесло.

Я вскрикнул – не слышат,
Сидят у окна.
А может не дышат
Ни он, ни она?

Печальные лица –
Ведь нету судьбы...
Заморские птицы,
Заморенный быт.

Однажды Пульс меня ославит –
Мое ничтожество оставит,
И с неба точка золотая
В земле пространство залатает.

А Пульс пойдет бродить по свету –
Искать упавшую планету.
Искать ее он будет долго,
Как выход к морю ищет Волга.

И он найдет когда-нибудь
Планету,
Но витком повыше.
Вспорхнет в младенческую грудь,
И грудь –
Моя теперь –
Задышит.

Вот так пред смертью улыбнусь я,
Поверив в постоянство Пульса.

В ДЕНЬ 58-ЛЕТИЯ

(песня)

Друзья мои,
Мне 50 плюс восемь.
Друзья мои,
Мне 50 плюс осень.
От этого я не схожу с ума –
Мне 50 плюс восемь, плюс зима.

Но а мужчине, –
Говорил поэт,
(А он, поэт,
В любви не ошибался),
И повторял, –
Мужчине столько лет,
Как и девчонке той,
С которой обнимался.

Я понимаю – нет, не быть весне,
И я не буду с этой мыслью драться –
Уж если ей семнадцать, то и мне,
Конечно, тоже все-таки семнадцать.

Ведь говорил талантливый поэт,
Поэт Сельвинский – он не ошибался –
Он говорил – мужчине столько лет,
Как и девчонке той, с которой обнимался.

Семнадцать лет, а мне под шестьдесят,
У нас глаза, глаза у нас иные, –
Глаза ее как вишенки, висят,
А у меня оплыли, словно дыни.

Но утверждал художник и поэт,
И так ему поверить я старался,
Что убедился – мне 17 лет,
Как и девчонке той, с которой обнимался.

* * *

А любви моей-то лепета
Не услышите вы трепетно,
Потому что в ваших ушках
Денег звон – как после пушки!

Да и запаха любви
Не почувствуете вы,
Потому что в ваших лапах
Исчезает даже запах!

* * *

И.М. – дочери.

У каждого в семье
Есть длинношеее.

У папы есть идея –
Он выпьет и добреет.

А если папа выпьет,
То мама – злее выпи.

А я-то между ними
С проблемами своими....

1979 г. Салехард.

* * *

«Взглянул и помолись,
а Бог рассудит».
Франсуа Вийон.

Я знаю – жизнь беднее будет,
Когда не станет вдруг печали,
И даже Бог нас не рассудит,
Что бы ему мы не кричали.

Обремененные весельем
И бурной радостью томимы,
Не будем мучаться похмельем,
Всегда любимыми любимы.

Отвыкнув о печали думать,
Мы будем солнечнее чаек
И, обреченные на юмор,
Умрем от смеха... без печали.

ВОПРОСЫ

Г.С.С. посвящается.

Сколько же прожито,
Сколько же выпито,
Сколько уложено
Мыслей убитых,
Сколько потрачено,
Сил и стремлений,
Кто же там плачет,
Упав на колени?

Сколько несчастий
Вызвано мною,
Как же не часто
Был я собою.

Что они значат –
Мои угрызения,
Кто же там плачет,
Упав на колени?

Сколько ж неправедных
Слез и улыбок,
Сколько неправильных
Дел, а ошибок?

Будет ли сдача
С души неразменной,
Кто же там плачет,
Упав на колени?

* * *

Ты, как солнца буйный свет,
Будишь меня, сонного,
Убеждаясь – лучше нет
Юноши влюбленного.

Ты – луны прекрасной свет,
Надо мною реющий.
Убеждаюсь – лучше нет
Женщины стареющей.

ЧИТАТЕЛЮ

Говорю тебе искренне я,
А тебе остается поверить:
Мир наш – дерево,
Корень – земля,
Ствол – столб воздуха,
Ветви – ветер.

Может быть, удивляясь слегка,
Ты поймешь –
Этот образ правдив:
Над землею висят облака,
Словно яблоки – «Белый налив».

* * *

Я игде не слушают меня.
Ни дома – надоел –
Ни на учебе,
Говорят:
«В стихах поднаторел,
Собаку съел, заматерел».
Замaтериться, что ль?
Но почему-то в сердце боль,
Такая боль!
Зато читал часов я семь
Собаке молчаливой,
Которую еще не съел...
И был такой счастливый!

* * *

Вот огромный человек
Маленького роста.
У него, друзья, увы,
В жизни все непросто.

У него душа, как степь,
И, возможно, шире,
А берет себе пиджак
Только в «Детском мире».

Сердца яростного мощь,
Словно у вулкана,
А окружность головы –
Глаз у великана.

Обойти готов весь мир,
Не устав нисколько,
А штаны-то у него –
Шорты, да и только.

Он во сне – скала скалой,
Только солнце выше.
А проснется – сам себя
В одеяле ищет.

Он готов любым из нас
Поспешить на помощь –
Только разве углядишь,
Разве тут запомнишь.

Очень мелкие черты,
Мелкие детали.
Хорошо, что вы его
Хоть не растоптали.

Мерки сердца и души...
Все это не просто –
Есть у нас богатыри
Маленького роста!

БАЛЛАДА О НОЛЕ

1

Поставили Ноль
Охранять Ничего,
Из Нечего взять
Возвели вкруг него
Огромный забор,
А зачем – не понять...
И стал этот Ноль
Ничего охранять.
Приехал из города
Родственник – зять.
Хотел он, как родственник,
Что-нибудь взять.
Но как, извините,
Возьмешь у него,
Когда у него-то
И нет Ничего?
Приехал однажды
Большой ревизор,
От Нечего видеть
Потупил он взор,
Потупил, прошелся
И крякнул: «Ого!
А где же хранится
Само Ничего?».

А ну – разошелся
Вовсю ревизор:
«Да ты же мошенник,
Хапуга и вор!».
«Позвольте, позвольте, –
Встревожился Ноль, –
Не вижу, в чем видите
Истины соль.
Меня ведь поставили
То охранять,
Что Нечего видеть
И Нечего взять.
И как же я смог бы
Украсть из того,
Чего и не видно –
Коль нет Ничего?
Зарплата?
На палочке ноль – и всего.
Не буду я больше
Стеречь Ничего!»
«Вокруг Ничего
Мы ведем разговор,
Давайте замнем», –
Предложил ревизор.
Прибавте к зарплате
Хоть палочку мне
И, может, тогда мы
Сойдемся в цене».

2

И вновь Ничего
На объекте лежит,
Его уж за сотню
Наш Ноль сторожит.
Но как-то приехал
Другой ревизор...
Добавкой к зарплате
Закончился спор.
И вновь Ничего
На объекте лежит.
За двести рублей
Его Ноль сторожит.
Он стал респектабельным,
Чинным – Ого!
Ведь он охраняет
Само Ничего.
Он стал командиром
Над ротой солдат.
Он даже выводит их всех
На парад.
«Равняйтесь, – кричит он, –
Вы все на того,
Кто бдительней всех
Сторожит Ничего».

3

Но как-то однажды
Начальство его,
Сменившись, прозрело,
Что нет Ничего.

И голову долго
Ломало: «Как быть?».
Конечно бы, надо
Тот Ноль сократить.
Но как сократить,
Коли столько всего –
Ведь выстроен склад,
Чтоб хранить Ничего.
А чтоб транспортировать
Этот продукт,
Над речкой ничтожной
Такой виадук
Построен, что
Видно всем сразу
Зачем разместили
Вблизи автобазу.
Они понесли бы
Убытки большие,
Когда б не построили
Тут мастерские.
А чтоб не возить
Тот продукт в Никуда,
Построить пришлось,
Заселив, города...

Короче, вокруг
Препустого Ноля
Крутилась планета
С названьем «Земля».

МУЗЕ

Пред водоёмом глаз твоих
Стоял бесстыже обнаженный,
Твоей красою потрясенный,
Мой юный мускулистый стих.

Был выбор: или стать твоим
Пусть не рабом – чернорабочим
И петь тебе и дни, и ночи
Непрерывающийся гимн –

Твоей отраве и красе,
Твоим немыслимым созвучьям,
Но опытом других научен
Он поступил не так, как все.

Свободен он от чар твоих,
От славы призрачной свободен.
И пусть кому-то неугоден
Необязательный мой стих.

Он солнце пьет, когда жара,
Он слезы льет, когда печально.
Ему была ты изначально
Всего лишь навсего – сестра.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА САЛФЕТКЕ

Стихи, написанные на салфетке... –
оригинально и эффектно.

О, критик!
Осуждай смелей:
«Так пишут только графоманы».
Но все ж писал Хемингуэй
В кафе бессмертные романы.

Стихи, написанные на салфетке,
Как птицы на дрожащей ветке.

Движенье сердца – и уже
Они, как птицы, оказались
На недоступном рубеже –
Не в этом разнозвучном зале.

Стихи, написанные на салфетке,
Должны быть беспредельно метки.

Тут нет домашнего простора
Для излияний и для вздора.
Стихи, написанные тут,
Быть может, нас переживут.

*

ормула отсутствия любви –
Называю женщину на «Вы».

*

Формула проста, как этот стих,
Женщину не делят на двоих.

*

Фирменный образчик мужика –
На столе бутылка коньяка.

*

Мне жена: «Поэт – не царь,
Ты – ничтожество и тварь.
Честно людям говорю:
«Я творю, а не тварю».

*

Воспоминания

У меня была жена –
Она мне суп варила...

*

Днем его как будто нет –
Ночью бодрствует поэт.

*

Только раз всего зевнул –
И увел жену Зинур.

*

В обстановке ненависти Вашей
Подавиться можно даже кашей.

*

Нет, не обойдусь я без жены –
Кто погладит мятые штаны?

*

Понимаю – делаю не то,
Но играю с будущим в лото.

*

Сапогами точно чист,
Потому и в ус не дует,
У него отец – юрист,
А мамаша – жиринует.

*

Кто хозяин:
Я иль Лоли –
Неужель не видно, что ли?

*

Жизнь прожить –
Мечта такая,
Пред скотами
Не икая.

*

За такого депутата –
И частушечка крылата.

*

Да, я – умру...
А, впрочем, все умрем,
Но надо заработать на паром.

*

С послезавтрашнего дня –
Не узнаете меня,
Я таким противным стану –
Против выпивки вина.

*

Смелою слыла в собачьих спорах –
Потому что лаяла... на шорох!

*

Молодежь у нас, увы,
Формулируется просто –
Нет любви – возьми «травы»,
Нет влечения – «колёса».

*

Талант пошел на «нет» –
Пишу уж, как Вишневский.

*

Формула простого бытия –
Минимум спиртного пития.

*

И здесь был Вася –
Вот что мне обидно.

*

Говорят, что... говорят!

*

Минеральная вода?
Это – да!!!
А шампанского, конфет?
Это нет!

*

У тебя такие мысли –
Только все они... прокисли.

*

А. Чубайсу.

А зачем на свете есть луна?
Отключить – и будет не нужна!

*

А друзей я повидал немало,
Самые надежные – с Ямала!

*

А.С.Пушкину.

Поэт – и в Африке поэт!!!

*

Он и она – и никого на свете...
Я формулирую вопрос – откуда дети?

*

А.Старовойтову.

Гитлер, Дуче, Сталин, Ленин –
Лучше сразу – на колени!

*

Формула российского поэта –
Женщина разута и... раздета.

«Но расцветают мысли-незабудки
В давно забытой части головы».

А.Старовойтов.

Давно забытой частью головы
Стихами ..... старобалуетесь Вы.

«Свистом ветра обрезало уши,
А пришило два птичьих крыла».

А.Старовойтов.

Ты хоть Саша, но слышно – не Пушкин,
Глуховатому трудно прожить.
Свистом ветра отрезало уши,
Но забыло... обратно пришить.

«Погладь меня по глупой морде».

А.Старовойтов.

За эту строчку надо орден!
Таких немало я сложил.
Погладь меня по глупой морде
И врежь покрепче – заслужил!

«И еще – мистическая какая-то встреча на Ваганьковском кладбище у могилы Есенина. Подошла ко мне незнакомая женщина в черном и без всяких предисловий произнесла «Вы будете поэтом, запомните мои слова».

Н.Денисов. Предисловие к книге «Стезя».

Бесовщина

Ну, родные, – так ладно бы,
Да за пьяной беседою!
На ваганьковском кладбище
У могилы Есенина

Безо всех предисловий
Подошла ко мне баба:
«Будешь мастером слова!».
Я подумал: «Неслабо».

ПОРТРЕТ

Вот и солнце закатилось в облака –
Медленно, расчетливо и четко...
На базаре молодая тетка
Пухленькими ручками – в бока.
Ах, чертовка... Ну, и хороша!
А глаза, глаза её без донца.
За плечами вспыхивает солнцем
Ярко ослепительная шаль.

И прилавку параллельно – грудь,
От дождей товары сберегая,
Талия прозрачная такая,
Узкая, что даже не вздохнуть.
Ах, чертовка... Ну, и хороша!
Чем торгует – не пойму нисколько.
Я бы все у ней купил, но только
Жаль, что нет в кармане ни гроша.

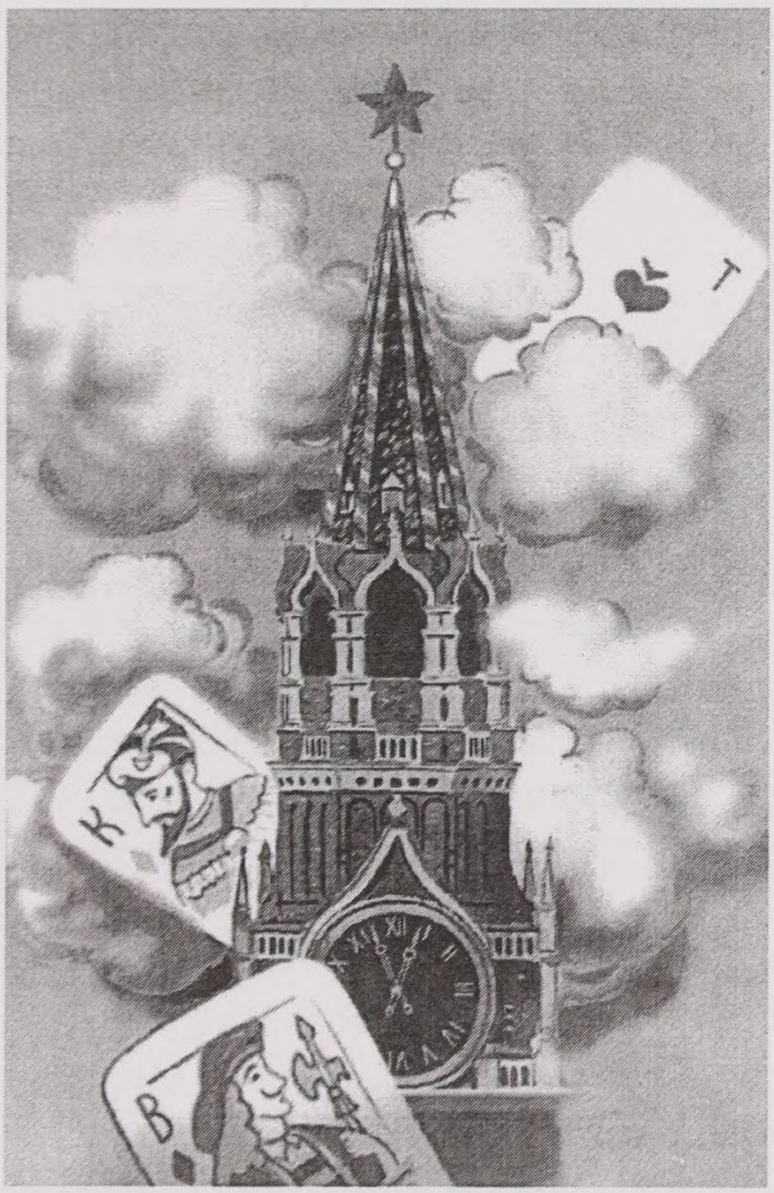
* * *

Куда исчезают звезды днем?
Куда? Непонятно.
И вот что странно –
Мы ходим, дышим, любим, жуем
И забываем о них постоянно.
А ведь у каждого звезда своя.
Своих полагается помнить, конечно.
Да что о других говорить?
Даже я
К своей звезде отношусь беспечно.
Предположим – есть у меня пальто.
И вдруг исчезнет... Бегу вдогонку.
А ведь оно уже старенькое, и то
Мысль о нем сердце пронзит иголкой.
А тут исчезает моя звезда –
И ни в одном глазу ни слезины.
Быть может, она уже никогда...
И главное – не купишь ее в магазине!

* * *

Я улечу в страну Улетанию....
Это не наркологический бред,
А поэтическо-мистическая тайна,
Разгадки которой сегодня нет.

И в две тысячи сорок третьем,
Когда бы мне стукнуло ровно сто лет,
Может быть, скажет критик редкий:
«А знаете – это все-таки был поэт?».



ГДЕ НАШИ КОРНИ?

(размышления автора в период с августа 1991 по ноябрь 1993 гг.)

«Тучи над Родиной встали».
Из песни.

I

Ах, время!
Оно птицей пролетело...
Да что там птицы медленный полет?
С тех пор, как автор принялся за дело
Сказать о том, что в сердце накипело —
Считай, товарищ, третий день идет.

Но я ошибку допускаю снова —
Забыто это слово навсегда.
«Товарищ», – изумительное слово,
Оно для дружбы и любви основа,
Ну а теперь мы просто «господа».

Вот бюрократ —
Сидит и важно пишет
Истории таинственный рассказ.
Окликните «товарищ», – не услышит,
Но «господин», – он вскинется тотчас.

А вот фигура мрачная...
Постой-ка —
Вся рожа испитая, словно ржа.

Сосредоточенно копается в помойках
Формации новейшей госпожа...

II

«И пришел Моисей и пересказал народу все слова Господни и все законы».
Первая книга Моисея. Гл. 24.

О, Господи!
О, Бог!
Твои слова
Смогу ли я пересказать народу,
Тем более – правительству в угоду,
Чтоб у него варила голова,
Чтоб поняло правительство – увы,
Оно не правит там, где есть неправый,
Оно не славно там, где есть бесславный,
И не любимо там, где нет любви...

III

Но это так – вступление...
А дальше
Был август густ,
Как сбитый кем-то крем,
Плыл над державой с парусом из фальши
Таинственный корабль – Русский Кремль.

На корабле какие-то фигуры
Замшелые, с болячками и без,
Играли в карты – дураки и дуры,
Но им ума хватало и культуры,
Чтоб соблюдать свой личный интерес.

Не думая о собственном народе,
Забыв его, как моряка – земля,
Они хотели при любой погоде
На палубе остаться у руля.

Во имя цели той писались книги
И пелись гимны в страшном бардаке.
Какие изощренные интриги
В Краснознаменной делались Москве!

Народу что?
Народу все до фени:
«Что не запрещено – разрешено».
Из мавзолея перестройку Ленин
Смотрел как детективное кино.

И думал вождь, что все на свете слепо
Копируют истории шаги,
Ведь перестройка – это жалкий слепок
Прекрасного начала эры НЭПа,
Пародия на творчество других.

«Конечно, – думал вождь, –
все изменилось,
А партия – живейший организм,
Но догмами забит был он, как илом,
Залеплены глаза ведущих мылом —
Какой там к черту, братцы, коммунизм?

Конечно, надо было все проветрить,
Промыть, прочистить и перетряхнуть,

Но поэтапно...
Уж вождю поверьте,
А спешка в этом деле – ветер смерти,
Который может истину задуть».

Так думал вождь...
В Кремлевских кабинетах
Намного мельче, мелочней, точней
В год девяносто первый жарким летом
Политбюро все думало об этом —
О перестройке начатой своей.

В стране развал!
И это очень слабо
То отражало положенье дел,
Которое по милости прораба
(А он-то растерялся, словно баба)
Народ отметил точно – беспредел!

А заграница нам рукоплескала:
«Брависсимо тебе, СССР!
В ежовых рукавицах всех держала
Сильнейшая советская держава —
Духовная развалина теперь».

Так думала с надеждой заграница,
Не зная изощренности Кремля,
Но собрались ответственные лица
И разработали такую карту блица,
Что задохнулись в мире: «О, ля-ля!».

В игре есть ход (мне говорил учитель) —
Валетом ходят – такова судьба.

Валета бьют?
Ну что ж...
Теперь учтите,
Что тут король выходит – победитель,
От униженья сохранив себя.

А если вдруг бессильные шестерки
Спасуют перед наглою игрой,
Меняются идейные подпорки,
Но не меняются идейные надстройки,
И потому король опять герой.

Разыграно все было, как по нотам,
Но спрятать от народа фальш нельзя.
Валеты в страхе изошли поносом,
Когда народ ворвался к ним с вопросом:
«А вы, мухлевщики, забыли про Туза?».

И карты были, извините, биты,
И восторжествовал народный Туз,
Защитники его уже забыты,
Венки погибшим брошены на плиты.
Короче, не игра, а так – конфуз.

Итоги той игры теперь открыты —
Разрушен нерушимый наш Союз.
А чтобы успокоить гнев народа,
Придумали опять картежный ход —
Мол, тот Союз, как старая колода,
Он развалился сам в теченье года,
Да и зачем Союз тебе, народ?

Спокон веков держались друг за друга,
Спокон веков – плечо всегда к плечу,
А уж теперь, когда нам очень туго,
И вовсе выходить нельзя из круга,
Но так случилось. Что ж? И я молчу.

В стране – огонь!
Зажег его не Каин.
В огне Молдова, Грузия, Баку.
Пока что опалил он лик окраин,
И главное, что нет виновных, крайних —
Во всем винят Россию и Москву.

Москва, Москва – несчастная столица
России неприкаянной моей.
Летят на юг испуганные птицы,
И нам осталось только помолиться
За благосклонность суши и морей.

IV

Молитва

Во имя Отца и Сына,
И духа святого
Будь доброй ко всем, Россия!
Не думай плохого.
В истории нашей длинной
Всякого было много.
Во имя Отца и Сына,
И духа святого.
О, Господи!

Мы ль не терпели?
О, Боже мой!
Нам не терпеть ли?
Во имя великой цели
Вязались тугие петли.
Монахи белые босые
Под окриком строгим —
Во имя Отца и Сына,
И духа святого.
Но свет не сошелся клином
На мысли бредовой...
Во имя Отца и Сына,
И духа святого!

V

А что король?
Король теперь в отставке —
Демократично он оставил ранг.
Союза нет, как нет сгоревшей лавки,
«Процесс пошел», – зловредничают шавки.
Вот так к нему вернулся бумеранг.
Валетов изолировали срочно
От жизни, привелегий и газет.
А суд попал в какой-то круг порочный,
Ведь у валетов, это знают точно,
В защите государственный секрет.

И только их, валетов, тронь попробуй —
Они такого всем наговорят!
В «Матросской тишине» сидят особы

И, думаю, сидеть им всем до гроба,
Но этой перспективе Туз не рад.

И вот опять рождается интрига
Намного изощреннее, чем та,
Страну, мол, тянут в прошлое, как в иго,
А бурлаки – Большая (слишком) Лига,
А председатель Лиги – ей чета.

Не испугала их валетов участь:
«Ведь мы избранники народа своего,
А Туз – он рвется к громкой славе дуче,
И над страною он сгущает тучи,
Ату его, ату, ату его! —

Какая-то великая усталость
От заседаний Лиги разлилась,
И Лига, хоть Большая, просчиталась —
Всегда в России побеждала жалость
К тому, кого преследовала власть.

VI

А народ наш – не дурак.
Это так...
За его большую душу
Не поставлю я пятак.

У народа-то душа
Очень даже хороша —
Потому народ голодный,
Не имеет ни шиша.

Вот обидели Туза —
Это нам плевок в глаза!
Завертелась во столице
Эх, которая буза.

Тут уже не разобраться.
За оружье надо браться.
Лига – пусть она Большая,
На хрена ее бояться?

Мы по Белому по Дому
Громыхнем по-боевому.
Бить по белому народу —
Это нам давно знакомо.

Но и с Белого палят.
Тут подмога из Кремля.
А мою подругу Катьку
Укокошил снайпер, бля!

Я держусь, я не тужу,
Но по честному скажу:
«Я за Катькино увечье
Им такое покажу!».

Ты – за честь, и я – за честь!
Кто кого и кто зачем?
К Дому Белому и танки
Подоспели между тем.

Кто-то там кричит, барыга:
«Не стреляйте! Это – Лига!».

Демократия в России –
Факт истории иль фига?».

Я его – из автомата,
А в ответ набор из мата.
«Эх, – подумал, – удивил ли
Он Афганского солдата?».

Я беру гранату в руки
И по воинской науке
Перебежками, ползком,
Но подкрался ближе к суке.

И как грохнул!
Тишина...
Настоящая война.
До чего ж ты докатилась,
Разнесчастная страна?

А по телеку, ура!
Выступал Гайдар вчера.
Он народ просил, как в сказке,
Продержаться до утра.

Продержались, черт возьми!
И теперь герои – мы,
А они теперь поедут
До Лефортовской тюрьмы.

VII
Из истории

«И всё, что ни попросите в молитве с верою, получите».

Евангелие от Матфея.

Склонитесь вербами
Над синью осени
В молитве с верою,
Что ни попросите.

В молитве искренней,
Чтоб ни просили бы,
Горит, как искорка,
Любовь к России.

Молитва смелая,
Вопрос измученный:
«Кровь белых – белая,
Кровь красных – лучшая?».

Но не уверенно
По травке с росами:
«В молитве с верою,
Что ни попросите».

А мы просили бы:
«И тех и этих —
Чтоб всех простили бы
На божьем свете».

Война напрасная
Итог итожит:
«Кровь красных – красная
И белых – тоже»...

VIII

Из обвинительного заключения

Председатель Лиги-фиги
Был большой знаток интриги —
Он настраивал народы
От Востока и до Риги.

IX

Что же мы значим в конце-то концов
Этой истории вздорной,
Где же асфальты наших отцов,
Где наши корни?

Мы расстреляли к Отчизне Любовь
И заливаемся кровью.
Где же дороги наших дедов,
Где наши корни?

Нас убеждают – это судьба,
Мы сомневаемся – ой, ли?
Прадедов наших где же тропа,
Где наши корни?

1993 г. Тюмень.

Юрию Васильевичу Неёлову –
губернатору Ямала.

БУНТАРСКАЯ СТРЕЛА

(пьеса в стихах)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Занавес закрыт.

А в т о р.
Русские, ненцы, ханты –
Все мы с далеких пор
Комедианты,
Солнце – наш режиссер.
Солнце прикажет –
И человечества часть
Ляжет
Вечеру в пасть.
Оно не понимает
Интриг и передряг,
Но утром поднимает
Министров и бродяг.
Министры смотрят в карты,
Бродяги карты бьют.
Вот так комедианты
И живут.

Открывается занавес.

Картина 1

На сцене ненецкая свадьба. Я н д о – пожилой богатый оленевод берет третью жену из бедняцкого рода Яптик, молодую красивую девушку. Она же любит В а у л и

Ненянга, сосланного за свою бунтарскую деятельность в Сургутский район.

Яндо *(самодовольно)*.
Вот что значит жить без лени,
Не отлеживать бока –
У меня стада оленьи,
Как на небе облака.
И, когда иду весною
К ледовитым берегам,
Нарты зимние со мною...[1]
Слава ненецким богам!

Гости.
Нум великий...
И сейчас
Нум великий
Видит нас.

Нейку.
Я, как птица на просторе,
У Обской губы жила,
Знали бедность,
Но не горе
Эти руки – два крыла.
Я хотела б спозаранку
Улететь скорей туда,
Где Ненянгу, где Ненянгу
Светит яркая звезда.

---

[1] То есть, он хочет сказать, что он очень богатый, не оставляет, как другие, зимние нарты в тундре.

Яндо.
Ха-ха-ха!
Дружок Ненянг
Был избит в обдорском доме.
Он разбойник, хулиган.
Не Ненянг, а Пиетомин! [1]
Ох, набью ему я морду,
Мой кулак пройдет по ней!
Ишь ты, взял такую моду –
Брать без спроса оленей,
Раздавать их рвани всякой…
Нет!
Свое я не отдам.
Пусть подохнет, как собака!
…Слава ненецким богам.

Гости *(как эхо)*.
Нум великий…
И сейчас
Нум великий
Видит нас.

В чум заходят Ваули Ненянг, Хонзали, Богомпадо.

Ваули.
Ань торово!

Гости.
Ань торово…

Яндо *(в сторонку со страхом)*.
Черт вернул Ненянга снова.

---

[1] Пиетомин – буквально избитый кем-то человек.

Нейку *(радостно)*.
Ваули!

Ваули.
Да, это я...
Мне царь России
Свободу дал –
И вот я здесь...
... Меня народы попросили,
Чтоб сбил я с богатеев спесь.

Яндо *(презрительно)*.
Народы?

Ваули.
Да!
Селькупы, ханты
И ненцы, братья-бедняки.

Яндо.
Ты, видно, перепутал карты
Вяжите вора!

Ваули.
У реки
Стоят бесчисленные нарты,
Владельцы их – не старики.

Яндо *(переменив тон)*.
О, Ваули!
Да, ты богатый,
И я не беден.

Так, что нам
Не стоит ссориться, сохатый!
Мы славу воздадим богам…

В а у л и.
Когда мой род,
Ты помнишь, Яндо,
К верховным людям уходил,
Ты не помог.
«Так Богу надо», —
С усмешкой сытой говорил.
Ты думал о себе…
Ты думал,
Что бог способен на обман.
А я сейчас спрошу у кума –
Я сам себе теперь шаман…

Берет бубен. Шаманит.

О, бог!
Ты был со мною честен
И все мне выложил сполна.

Обращается к Я н д о.

Мне бог сказал. «Бери невесту!».
Со мной отправится она.

Н е й к у *(радостно)*.
Ваули!

Я н д о.
О, горе, горе!

Черт бы с нею,
Но за нее я выкуп дал.
Ты не посмеешь.

В а у л и.
Нет, посмею!
И я еще не все сказал.

Я н д о.
О, горе, горе!
Что еще-то,
Что Нум наговорил тебе?

В а у л и.
Твои стада – они без счета,
Тынзян не знают на себе.
Не хорошо иметь оленей,
Не ведая числа.
Так вот,
Мы подсчитаем всех.

(обращается к сподвижникам)

Сумеем?

(те кивают головами в знак согласия)

И раздадим их.
Пусть народ
Не пухнет с голоду, не мрет,

(к Нейку)

Иди сюда…

Яндо.
Сиди на месте...
...Сиди на месте, а иначе
Родителей моей невесты
Все засмеют.

Ваули.
Подайте янгыч!
(лупит Яндо, тот бегает вокруг костра, все смеются).

Занавес.

Картина 2

Чум Ваули Ненянга. Нейку нянчит сына. Еремей Ненянг сидит на шкурах, прислушивается.

Е. Ненянг.
Я очень старый...
Очень старый...
Я жизнь, как тундру, перешел,
Но слышу я, как слышит стадо,
Упряжку, очень хорошо.

Нейку.
Сварю я мясо...

Ваули.
Это снова
Плохая весть спешит сюда.

Её обиженное слово
Ворвется, как весной вода
В забытый чум… *(тяжело вздыхает).*

Е.Н е н я н г.
Зачем вздыхает
Ненянг, не знающий греха?
Пусть его совесть отдыхает –
Для бедных весть всегда плоха.

В а у л и.
Ты говорил,
Что раньше весел
Был род Ненянгов – славный род,
Что знал он очень много песен,
Что он не знал оленям счет.

Е.Н е н я н г.
Но это яробцы и были
Я стал уж забывать те дни
Они, как облака, проплыли,
Приходят лишь во сне они.

В чум заходит ненец из бедняцкого рода – Сабы.

Ани торово…

В с е.
Ани торово…

В а у л и.
Ты оленьих переходов

Сколько сделал?
Пять, однако.

Н е й к у.
Ты поешь.

С а б ы.
Обычай древний
Я нарушу. Есть не буду
Я сейчас, чтоб все сидели
И гадали. «Что там скажет
Этот гость с дороги дальней?»
У меня в груди – не холод.
Все горит… Обида гложет –
Неужели род мой Сабы
И другие – Тёр и Пяку,
И еще, еще другие
Будут жить в известном страхе,
Что настигнет их,
Как ворон,
Черный голод…
Страшный голод.

В а у л и.
День иль два тому обратно
Еся Тюр – хорей железный –
Приезжал к нам –
И такие ж
Говорил слова о горе.
Есть хорей,
Но нет оленей.
Скоро лямки мы оденем

И потащим на себе мы
Нарты скорбные…

Е.Н е н я н г.
Не надо
Говорить слова печали.

В а у л и.
Что же делать?
Подскажи нам.
Голова твоя седая,
Как ягушка белой чайки,
Много думала, однако,
Как помочь народу тундры.

Е.Н е н я н г *(вытаскивает из-под шкуры стрелу).*
Вот!

Н е й к у *(с ужасом).*
Бунтарская стрела!

Е.Н е н я н г.
Да!
Стрела далеких предков,
Ею пользовались редко,
Но она стреляет метко –
Прямо в жирные сердца.
Я о ней услышал в детстве,
А потом уж по наследству
Мне осталось от отца.
Если мы –
Решиться трудно –

Провезем её по тундре,
Через сорок дней под утро
Соберется бедный люд.
И Ненянги, Тёры, Лямо –
Все за Ваули упрямо
Хоть на край земли пойдут!

(к Ваули)

Соглашайся!
Ведь недаром
Принесли тебя мгновенно
На своих крылах гагары
Из зеленого из плена.
Так повсюду на Ямале
Говорят и стар и малый…
Соглашайся!

Н е й к у.
Нет, послушай
Недостойную вниманья –
Только в самый страшный случай
Бунт в народе поднимают.
Пожалей нас!
Ты оставишь
Сиротою род Ненянгов.
Мы к могилам, словно аргиш,
Все потянемся…
Не надо!

Е.Н е н я н г *(вскочив со шкуры)*.
Дочь моя!
Неужто женщин

Будут слушаться мужчины?
Ты болтать должна поменьше
Без на то большой причины.
Н е й к у *(выбегает из чума)*.
О, Ваули!
В золу
Ты не смотри понуро –
Бунтарскую стрелу
Пускай, сынок, по тундре!
Нас бедность довела
До бешеного круга
Пускай летит стрела
От севера до юга.

В а у л и.
Зови, мой друг, народ –
Советоваться будем.
Пусть воинов зовет
На сбор твой звонкий бубен.

Е.Н е н я н г бьет в бубен. В чум заходят люди. В а у л и говорит пламенную речь, но его не слышно. В свете прожекторов видно, как он жестикулирует. Он показывает, что богачи, старшины, князья душат народ, русские купцы обманывают его и скоро бедным останется один путь – путь к верховным людям. В ритме его жестикуляций ненцы начинают танцевать – это танец воинов. Он становится все грозней и грозней.

В руках у Ваули бунтарская стрела.

У воинов внезапно появляются луки со стрелами. Они одновременно поворачиваются к зрительному залу – в руках натянутые луки со стрелами. Зал ослепляют лучи света со сцены – световой занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

А в т о р.
Дома деревянные… Сараи…
Фигуры серые меж них,
Собаки сонные не лают
Ни на чужих, ни на своих.
Июнь на улице…
И все же
Дым печек вьется к небесам.
Как все похоже, все похоже
На то, что было год назад, —
Дома деревянные… Сараи…
И кучи мусора меж них.
Собаки сонные не лают
Ни на чужих, ни на своих.
Пусть предсказателя осудят,
Но я скажу и лжи в том нет,
Что через год такое ж будет
И даже через сотню лет —
Дома деревянные… Сараи…
Фигуры мрачные средь них…
Да и собаки не залают
Ни на чужих, ни на своих.
Умрет тот мудрый предсказатель,

Забудут слов печальный лоск…
Добро пожаловать, приятель,
В наш славный городок Обдорск.

Открывается занавес.

Картина 1

Жители Обдорска.
1. Ярмарка! Ярмарка!
2. Ах, какая ярмарка!
3. Собирайтесь, мужики,
Посылаю к Вам гонца!

(толкает гонца в спину, тот убегает)

Гонец *(убегая)*.
Тут меняют грамм муки
На добротного песка.
1. Мужики, собирайтесь живо тут!
2. Ярмарка! Ярмарка!
3. Здесь, в Обдорске, ярмарка!
4. Ярмарка! Одним утеха –
5. Можно разжиться мехом.
2. Ярмарка! Вот так потеха –
6. Можно давиться смехом.

(все смеются)

На фоне залихватской русской мелодии.

1. Кто гопака – вприглядку,
Кто барыню лихую,

Кто яблочко – вприсядку
Но все сейчас тан-цу-ют!
2. Эх, раз!
3. Еще раз!
4. Поражают ритмы нас
Много… образаем
5. Свое… образаем
2. Ай, да жаркий перепляс!
3. Не жалейте, ноги, нас,
А мы вас…
1. Как пристукнем каблучками
2. Да плечами,
3. Как крылами,
4. Как взмахнем!
1. Да руками,
2. Как лучами,
3. Поведем!
4. Зарядим
1. Часа за два
2. Пусть кружится
3. Голова.
4. Пусть идет
Все кругом, кругом
1. Пусть народ
Вздохнет с испугом.
2. «Как остановиться,
3. Чтоб не развалиться?»

А ф о н я *(Соколову)*.
Сказал мне самоед знакомый
(Он даже винку пить – не пил),

Что их разбойник – Пиетомин
На русских злобу затаил.
Он Тайшина уже сместил
Заочно…
И старшин
(И Бога!)
Идет в Обдорск…

Соколов.
И много ль сил
У самоеда?

Афоня.
Много, много!
Нарт двести.
Воинство его
Идет кратчайшею дорогой
И не боится никого.

Соколов.
Ну, Ваули!
Вот князь – без спора.
Его б назначить по уму.

Спорылков.
Оставьте эти разговоры.
Вас, Петр Силантич, не пойму.

И тут звучат колокола русской церкви, хор церковный – и резкая смена: ненецкие колокольчики и шаманский бубен. На переднем плане сцены князь Тайшин, он в подпитии, падает на колени.

Я двум молюсь,
Я двум молюсь,
Я двум молюсь богам.
Тут русский бог,
Тут русский бог,
Тут русский бог,
А там…
А там не церковь –
Острый чум
И в нем вся жизнь моя.
Мой кровный бог,
Мой добрый Нум –
Моя религия.
Я двум молюсь,
Я двум молюсь,
Я двум молюсь богам –
Ямальским колокольчикам,
Москвы колоколам.
Я разрываюсь весь от дум,
Себя в себе тая.
Так кто же всё же —
Царь иль Нум
Моя религия?

Х о н д а л и.
Религия твоя – грехи
На совести твоей.
Тебя отправит в пастухи
Ненянг.

Т а й ш и н.
Сюда! Скорей!

Хондали исчезает.

Исправник.
В чем дело, князь?
Ты бледен… Странно –
Кто может князя напугать?

Тайшин.
Тут… только что… был друг Ненянга.
Его бы надо вам поймать!
Он сармик-волк.

Исправник.
Страшиться надо ли
Нам волка и волчат его?

Тайшин.
Ты не боишься ничего.
Ты смел…
Но ты не знаешь Ваули.
Ненянг – комар?
Он черт, колдун.
Шаманской силой он владеет,
Он знает тайны Солнца, Лун
Он отомстить и вам сумеет…

(горестно качает головой, размышляя)

Послать в бунтарскую бы стаю
К Ненянгу лиса, горностая.

Исправник.
А это, князь, признаюсь, честно –

Идея, черт ее дери!
Вот ты и поезжай,
На месте
Разнюхай все и посмотри.

Тайшин.
О, Ерво Таво – наш начальник,
Царю ведь оба служим мы.
Не загоняй в нору печали
Ты князя Тайшина, как мышь.

Исправник.
Ты, братец, не по чину скромен.
Ты росомахой должен слыть.

Тайшин.
Меня задушит Пиетомин,
А князь, однако, хочет жить.
О, бог!

Исправник.
Смотри-ка,
Вспомнил бога.
Последний раз тебя прошу:
Иль завтра дальняя дорога,
Или я сам тебя смещу.

Князь уходит.

Вот так-то князь…

(обращаясь к русским)

Представить трудно
Нам все ж, не правда ль, господа,
Как он поедет в эту тундру
В декабрьские холода?
(задумчиво) М-да…

Нечаевский.
Они привычные-с…
Бывало
И я мальчишкою с отцом –
Небезызвестным всем купцом –
Каслал с товаром по Ямалу.
Чего я только не видал?
Вы только слышали такое –
И в чуме куропатки спал,
И мясо ел, как зверь, сырое…
Прости меня, господи!
(крестится).

Исправник *(отводя Нечаевского в сторону, заговорчески).*
А что?
Ты дело, Николай,
Изволишь говорить…
Послушай!
Ведь это преотличный случай –
Язык ты знаешь, знаешь край
И Ваули с твоим папашей
Знаком был
Да и ты ведь… Да?

(Нечаевский кивает в знак согласия)

Ты замани Ненянга в наши
Владенья царские сюда.

Нечаевский.
А что?
Есть план?

Исправник.
Он на глазах
Уж из пеленок вырастает.
Но лишь того не знает страх,
Кто ничего еще не знает.
Так что, Нечаевский, нечай –
До некоторых пор.
Я помолчу…
Но ты-то знай:
Твоя задача – невзначай
Ненянга пригласить на чай
И на вино – в Обдорск.

Нечаевский.
Ему б подарки посулить.

Исправник.
В чем дело?
Посули!

Нечаевский.
Но как бы не пересолить?

Исправник.
Так не пересоли!
И помни – ежели еси

Заманишь ты сюда
Разбойника,
То царь Руси
Тебя вознаградит всегда…
Я слышал Ваулинский толк,
В нем сила глупого ума –
Уж если мы возьмем Обдорск,
Сдадутся Петербург, Москва!
(хохочет).

Нечаевский.
Я мыслю так – своей мозгой
Презренный этот смерд
Не мог додуматься.
Другой
Ведет его на смерть.
Тут пахнет вовсе не Москвой –
Сенатской площадью –
Поверь!
(звон колоколов).

Занавес.

Картина 2

Воинство Ваули Пиетомина. На нартах восседает Ваули. Рядом, на правах дорого гостя, сидит Нечаевский. Шум, гам – характерные звуки большого сборища тундрового народа. Горит костер.

Ваули *(обращаясь к Нечаевскому)*.
Итак,

Ты говоришь,
Меня
Уже забыли?

Нечаевский.
Да, конечно!
Ведь нету дыма без огня.
Огонь потух…
Не может вечно
Гореть огонь.

Ваули.
Не прав мой друг.
Послушай то, что скажет ненец –
Огонь для нас, как Нум, священен,
И потому высокий дух
Его поддерживаем…

(большая пауза).

Впрочем
Приезд твой дружественный к нам
О многом говорит…*(задумывается).*

Нечаевский.
Ненянг,
Теперь обязан ты приехать.
Товаров я хороших дам
На ярмарке

Ваули отрицательно качает головой.

А в чем помеха?

В а у л и.
Я до торговли не дорос.
Куда уж мне?
Тут не до жира…
…Войной пойду я на Обдорск,
Коль Тайшин-князь не хочет мира.

Н е ч а е в с к и й.
Зачем – войной?
Ты приезжай!
Исправник нам – товарищ славный.
Попросишь. «Князя, мол, подай» –
Тебя послушает исправник.

В а у л и.
Ты так уверен?

Н е ч а е в с к и й.
Ну, не нам
Судить, что думает начальник,
Но ведь теперь ты, брат Ненянг,
Не тот бедняк, что был вначале.

В а у л и.
Чуть не исчез с лица земли
Ненянгов род
Ты это помнишь.
И мы, Ненянги, увели
Оленей из богатых стойбищ.

Е р е м б е й *(ему стыдно при этом воспоминании, у ненцев воровство всегда считалось великим грехом)*.

Как ноют старческие кости,
Но все ж сильней болит душа…

(прислушивается)

Я слышу звон!
Наверно, гости…
Конечно, гости к нам спешат!

В чум входят Князь Тайшин и несколько старшин.

Тайшин.
Ваули,
Олень бесстрашный.

(в сторону)

Да отсохнет мой язык!
Весть летит по тундре нашей
Как могуч ты и велик!
Вызываешь ты в народе
Уважение и почесть.
Слышал я, что кто-то… вроде…
К нам в Обдорск приехать хочет.

Ваули.
Если я приеду в город,
То поверь, уж, лишь за тем,
Чтобы взять тебя за ворот –
Душу вытряхнуть совсем!
Разве можешь быть ты князем,
Посмотри в мои глаза,
Если за народ ни разу

Не вступился?
Твой тынзян.
Душит нас…
Ясак высокий,
Что даем царю России,
Выжимает наши соки
И вытягивает силы.
Ты народ напрасно дразнишь
Как народу дальше жить?

(задумывается)

Нет, не можешь быть ты князем…
Ты не должен князем быть!

Т а й ш и н.
Приезжай в Обдорск без страха,
Приезжай в Обдорск – и сразу
Я отдам тебе папаху,
Поклонюсь тебе, как князю.

Н е ч а е в с к и й.
Тайшин правильно глаголет,
Хотя он, признаться, мразь.
Что тут делать – в тундре голой?
Ты, воистину, есть князь.

В а у л и.
В деревянном чуме тусклом
Жить Ненянг никак не сможет
Аргиш он сложить из русских
Слов, хотя с трудом, но сможет.
И поймет обратный ход их,

Но поверь-ка – очень трудно
Жить в безделье.
Мука – отдых.
Не смогу я жить без тундры.

Ерембей.
Да...
Шакал и на шакале...
Вижу я шаманским оком –
Сила наша на Ямале,
А не в городе далеком.
Подсказал мне житель неба –
Мудрый Нум:
«О, Ерембей,
Надо двинуть силу гнева
Всех родов бедняцких в бой!».

Первый ненец.
Слушай, Ваули, шамана –
Нет в его советах лжи.

Второй ненец.
Посмотри – нас тут немало.

Третий ненец.
Мы готовы – лишь скажи!

Четвертый ненец.
Мы поборемся за счастье,
Всех оленей разберем,
Разнесем Обдорск на части,
Да и части разнесем.

В а у л и *(обращаясь к костру)*.
О, огонь!
Огонь священный,
Ты ответь нам мудро, быстро
Или прятаться нам в щели
Или в бой лететь как искры!
Рассуди, Огонь священный.
Если искры гонит ветер,
Нас толкает черный голод…
Не сиротами ли дети
Наши будут, если холод,
Если встретим холод смерти?

А в т о р *(он сидит тут же, где-то в стороне, наблюдая за своими героями)*.
И Огонь ему ответил:

Г о л о с О г н я.
Нет прекраснее на свете,
Чем светить, себя сжигая,
Искры в небо поднимая,
Нет прекрасней доли этой!
Тот, кто хочет жить в неволе,
Пусть ползет презренным трусом
За богатым ненцем, русским,
Пресмыкаясь глупой доле.

В а у л и.
Так сказал Огонь священный!

Воины В а у л и исполняют танец огня. Во время танца незаметно исчезают Т а й ш и н и старшины. Н е ч а е в с к и й – провокатор – остается).

В а у л и.
Друзья мои!
Итак, мы завтра
Каслаем под Обдорск.
А там,
Оставив боевые карты,
Поеду к Тайшину я сам.

Е р е м б е й.
Ты говоришь, вожак, не дело
Что можешь сделать ты один?
Возьми с собою сорок смелых
И самых ловких из мужчин.

В а у л и.
Ты прав, старик,
Со мною двадцать
Войдут в тот деревянный чум,
Где князь живет
Другим остаться
Я прикажу…
Великий Нум.
Пять ружей и пятнадцать луков
Сметут князька!
И весь обман,
И вся несправедливость, мука
Исчезнут сами,
Как туман.

Ч е т в е р т ы й н е н е ц.
Не прав ты, Ваули, однако,
Ведь все, наверно, понимают,
Что князь, как глупая собака,

Его на нас лишь натравляют.
От смены князя – малый толк.
Сместить бы тех, кто родом выше.
Москву бы взять – вот толк бы вышел
Большой, как тундра.
Что Обдорск?

В а у л и.
Такие мысли – куропатки
Мне в ум нередко прилетали.
Слова твои, конечно, сладки.
Но как бы горькими не стали!
Средь русских есть немало вредных…
Но вот Нечаевский – ясак
Он не дерет…
Торгует с бедным
И знает тундру.
Наш язык.
Он друг исправника
А этот
Его послушается…
Впрочем,
Что бормочу я?
В жалкий лепет
Ни я, никто не верит очень.
Как на распутье двух дорог
Стоит Ненянговское племя…
Давайте так – возьмем Обдорск,
А дальше, что ж, —
Покажет время!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Автор.
Ненцы – мудрый народ
Суеверный немножко.
Ведь когда умирает
Обессиленный дед.
Он родным говорит:
«Я пошел за морошкой!»
И уходит из чума…
И его больше нет…

За сценой – свист пурги, характерное звучание приближающегося аргиша из 20 нарт. Это к Обдорску приближается Ваули Пиетомин и его сподвижники – Тогомпадо, Хонзали, Ямо и другие.

Сцена представляет собой ненецкий чум. На полу разостлана оленья шкура. Посредине чума железная печка. Слева от входа сидят несколько старшин-ненцев. У ног у каждого из них связки лис, песцов, соболей.

Князь Тайшин *(услышав приближающихся оленей, выскочил из чума навстречу Ваули)*.
О, Ваули!
Мой старый друг,
Тебя старшины ждут,

Они меха в почетный круг
Сложили…

В а у л и.
Отдадут?

Т а й ш и н.
Никто и возражать не станет,
Старшины – та же мразь!
(заходит в чум).

В а у л и.
А что ты в княжеском кафтане,
Ведь ты уже не князь?

Тайшин торопливо стягивает с себя
княжеский кафтан.

Я не забыл, сейчас, сейчас *(в сторону)*
Беда, беда, беда!
Конечно, ты великий князь *(в сторону)*
Неужто навсегда?

В а у л и *(обращается к старшинам)*
Что вы молчите, старики,
Уподобляясь язю.
Вы проглотили языки?
Скажите слово князю.

1 с т а р ш и н а.
Да лишь бы не было греха

Мы поняли теперь
И приготовили меха,
Светлейший князь, тебе.

2 старшина.
Готовы в стойбища сейчас
Уехать побыстрей
И отобрать тебе, о князь,
Сколь надо, оленей!

В чум заходит исправник Скорняков.

Ань торово, предводитель!
Ты, я вижу, скор,
Хоть одел ты этот китель,
А по сути – вор!

Ипполитка[1] *(кричит)*.
Пиетомин, убегай
Ты не верь, не надо.

(показывает на Нечаевского).

Это провокатор, гад,
Все это – засада!

Послышались ружейные выстрелы. Ваули, Тогомпадо и Хонзали, выхватив ножи, выскочили на улицу. Ненцы окружили Ваули, обнажили ножи, выхватили копья и стрел, охраняя своего вожака.

Урядник *(обнажая саблю)*.
Эй, горожане. Ну, народ,

[1] Толмач.

Скорее бейте всех.
Вперед! Кому сказал – вперед,
Навалимся как снег.

В а у л и.
Гоните, гоните скорей оленей,
Зовите, зовите на помощь людей!

В ход пошли ножи, полетели поленья, жерди. Толмач колотил дерущихся торговцев. Знатная потасовка. В пылу драки к В а у л и приблизился Н е ч а е в с к и й и сильно ударил его поленом по голове.

В а у л и *(падая)*.
Гоните, гоните скорей,
Зовите на помощь людей.

Х о н д а л и *(Нечаевскому)*.
Предатель!
(плюет в его сторону).

Н е ч а е в с к и й *(к горожанам)*.
Вяжите, вяжите,
Вяжите их всех.
И мордами гадов кладите –
В снег!
У р я д н и к Ш а х о в.
Ружья готовьте.
К берегу с ружьями!
Мотик утек –
Задержать его нужно нам.

Исправник Скорняков *(увидев множество приближающихся оленьих упряжек).*
Люди!
Палите сколь есть у вас силы.
Боже!
Спаси нас во имя России *(крестится).*

Оружейный грохот. Шум. На сцене появляется Нейку. С непокрытой головой, с длинными черными косами. В руках у нее – острое копье. Казаки быстро разбегаются. Она взмахом ножа перерезает ремни, связывающие Ваули, но он, закованный в кандалы, не может последовать за ней.

Нейку.
О, Ваули!
Ты воин смелый
Ты поделился с Нумом небом,
Ты занялся конкретным делом –
Ты накормил народ свой хлебом.
О, муж мой, Ваули...

Гремит выстрел. Нейку медленно обернулась, встретилась взглядом с Ваули.

Ваули.
Я не сберег... тебя,
О, Нейку!
Нейку.
Тынзян набросила судьба
На горло гордого Ямала.
Прощай...

В а у л и.
Прости…
Я понимал,
Что я вступил на путь, на скользкий
Я думал, что летит Ямал
Без крыльев города Тобольска.
Прости…

Н е й к у.
Как стонут чайки
И одинокие, и в стайке
Их крик тревогу поднимает,
Но их никто не понимает…
(умирает).

В а у л и.
Прости… Прости,
Но дальний правнук,
Я думаю, – он нас поймет.
И нашу боль, и нашу правду
До Нума-бога донесет.

Завывание вьюги, крики чаек, фантасмагория, на этом фоне – танец ненцев, в нем участвуют и русские, и князь Т а й ш и н, в финале – картина: ненцы поднимают хореи, получается чум (подстветка), в центре чума – В а у л и. Он разрывает веревки (или цепи), связывающие его и бросает их – в зал.

Финал!

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ

«Пред светым именем твоим» – не просто очередная книга моего друга поэта Анатолия Марласова, она – своеобразный итог поэтической деятельности на 60-летнем жизненном рубеже. Избранное из его огромного поэтического богатства.

Анатолий Марласов из тех, кто приехал некогда осваивать тюменские «севера» да и прикипел к суровой, но отзывчивой на добрые деяния земле.

Южанин по рождению, он – сибиряк по месту приложения своего дарования, общественного темперамента, профессионального, наконец, опыта. Выпускник Московского института культуры, он начал свой путь северного познания с Тязовского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

Поэтому-то и пишет он об этом с особой теплотой:

Нет, я юность не рассеял
На нечаянные дни,
Полюбив Полярный Север
И полярные огни.

Его литературное отрочество самым счастливым образом пришлось на ту пору, когда на Тюменском севере лишь завязывались первые ростки той грандиозной и уникальной, по существу, эпопеи, которая получила впоследствии емкое, вполне в духе тех одухотворенных лет, название – «Открытие века».

Я далек от мысли заниматься критическим препарированием книги, которую вы держите в руках, расчленением ее по тематическим циклам, разделам, дабы явить искушенному читателю внутренний, поэтический мир А.Марласова утилитарным образом, в некоем анатомическом разрезе... Напротив, моя задача более благодатна, да и конструктивна, – подать его книгу как цельный живой организм, в его единстве, нерасчленимости, когда каждое из стихотворений непостижимым образом, как при тонкой и хрупкой технике акварели, перетекает из одного в другое, подпитываясь потаенной энергий души, являя нам в совокупности его поэтический космос.

Едва ли не каждая страница представляет собой своеобычный портрет времени в контексте несомненных авторских пристрастий, и зачастую привносятся автором в этот портрет и биографические черты.

У человека есть гнездо – земля,
Но человек куда-то вечно рвется.

Ну, так чем вам не явная автохарактеристика художника, живущего в несомненном разладе с вялотекущей действительностью, тянущегося к уединению с сильными волевыми натурами, подстать которым и природные северные катаклизмы, отнюдь не деформирующие, к слову сказать, человеческие характеры, а, напротив, подвергающие их такой интенсивной духовной и физической закалке, что набедовавшиеся, казалось бы, за долгие годы на северной закраине страны люди, выйдя на «заслуженный (!) отдых», возвращаются с Большой земли, «отравленные» живодарящей энергией этого края, неласкового к фарисеям и рвачам.

Вот и А.Марласов в постоянном пути, и не только в прикладном географическом аспекте, но и в аспекте

активного познания нашего бытия, его природы, людей, причем с годами все отчетливей в его стихах страсть не просто поверить миру свои впечатления от пережитого и увиденного, размышления и, что греха таить, претензии к миру, но и проверить себя на смелость емких, выверенных умозаключений, лирических характеристик.

Он ищет и – находит творческую опору в неприметных на неискушенный взгляд реалиях северного бытия.

...И когда меня жизнь невзначай заморочит –
Пусть не так я стар, и пусть не так уж я сед,
Поступлю, словно ненец.
«Он ушел за морошкой», –
Так скажите, коль спросят,
Любопытным в ответ.

Достоверность бытийных коллизий, тематическое разнообразие, подкрепленные столь редким в наши дни светлым видением мира, и вызывают к жизни строки, декларирующие непритязательность поэта и скромность его лирических претензий.

А мне-то и надо немного,
И этим богата душа,
К зеленому солнцу дорога
И зернышко карандаша.

«...я не ставлю часовых / к любимой женщине-святыне...» – одной из ключевых, магистральных в книге является тема любви к женщине, предмету преклонения и огорчений, приправленная невеселыми порой размышлениями о бренности быстротекущей жизни, одухотворяемой женским в ней присутствием.

Ты вычеркнула память из меня,
Тебя не помнить – это верх блаженства.
Ужаснейшее свойство изменять
Ты довела, увы, до совершенства.

Поэт по складу души, А.Марласов самовыразился в стихтворении «Родство», в котором, при превалирующем элементе самоиронии, заключена авторская идея о целенаправленной, сосредоточенной, работе души.

Его соседи звали дураком
За вид безукоризненно беспечный.
А он молчком, от всех людей тайком
Не год один копался в русской печке.
...Машины нас уносят в облака,
И это часть Емелиного плана,
Простого, извиняюсь, дурака –
Космических полетов ветерана.

Да и едва ли упрекнешь в выспренности человека, за плечами которого военное полуголодное детство, служба в армии, учеба в московском ВУЗе, перемежаемая к тому ж ночными трудовыми сменами на строительстве столичного метрополитена, и, наконец, личностное становление здесь, на «северах», где, по его образному выражению, «...небо напоминает невод», где «шрамы перекрещенных дорог...».

Биография его символическим образом, с отсылкою к мифу, начинается с бомбоубежища, где он «...принялся за дело и даже смерть перекричал», уже самым фактом своего рождения и всей последующей жизни подтвердив предпосылку В.Набокова: «Случайность – логика фортуны».

Не потому ли его книга относима к явлениям такого рода, когда судьба лирического героя переживает пе-

риод внутреннего разлома, глубоких тектонических сдвигов в душе, в результате которых выходит к свету признание:

Когда ты входишь в комнату – светлеют
Не только стены, пол и потолок,
Но даже затрапезный уголок
За русской печкой, где от счастья млеют.
<...>
Когда ты входишь – всей страны радары
Улавливают гулкие удары –
Биенье сердца моего.

Поэт вслушивается в противоборство страстей в себе, склоняясь сосредоточенным слухом к их брожению и столкновению, и, при внутренней своей уязвимости, очевидному рефлектированию, спрятанному за образом бывалого северянина, А.Марласов готов и к самообличению, каким бы горьким оно ни было.

Жизнь прошла, а я и не заметил,
Я и не заметил – жизнь прошла.

Холерический, южный его темперамент явен в его стихах о любви, о любимой, хотя поступь их внешне неспешна. Редко в буднях его, насыщенных повседневщиной, выпадают минуты заветного одиночества, когда впечатления дня минувшего отстаиваются, наподобие взболтанной в стакане воды, и приходят минуты редкого покоя:

И я заснул спокойно и глубоко,
И мне приснилось чудо из чудес...
<...>
Я сплю спокойно...

Тихо на Земле...
Никто меня на свете не разбудит –
Прекрасно мне.

При вечной схватке внешних стихий северного мира, А.Марласов склоняется к элегическому состоянию, при котором категории мира и лада становятся для человека приоритетными. Определяющим для его лирики мотивом продолжает оставаться перманентное ностальгическое чувство к ушедшим в прошлое приметам родного, в любви и согласии, мира.

Я в колыбели деревянной
Родною матерью взращен...

...А жизнь такая красота –
От деревянной колыбели
До деревянного креста.

В стихах его очевидно непреоборимое желание ясности и чистоты бытия, но вновь и вновь поэт оступается в пережитые им коллизии, что приводит его к поздним прозреньям и раскаяниям:

И... в старости,
В какой-то день ненастный,
Когда обрушит тяжести беда,
Я вспомню вдруг, какое было счастье,
По глупости забытое тогда.

При определенной субъективности лирических деклараций и художественных оценок бытия, стихи его – не безжизненные слепки с действительности, напротив, они – живые, пульсирующие сгустки этой самой действительности, пронизанные токами сопричастности его с жизнью:

Такая радость – птица прилетела!
Не ворон и не северный халей.
На серых крыльях маленькое тело –
Простуженный, но бойкий воробей.

И, слово честное, – я вовсе не был пьяным –
Я распознал в нем друга, своего.
Я с ним чирикал в синем океане
И понимал отчетливо его.

А.Марласов движется, в своем развитии, в русле коренной российской поэтической традиции, но и за этой традиционностью мы видим поэта с собственным индивидуальным видением мира и отношением к жизни, несущего читателю *свою* правду о пережитом и переживаемом.

Беспечно не пою я, нет!
С небес я не хватаю звезды.
Я из муки военных лет
Голодной матерью был создан.

По своеобразной оценке Михаила Светлова, предполагается наличие в книге хотя бы одного хорошего стихотворения, чтобы считать, что книга состоялась, при двух и более хороших стихотворениях она уже считается отличной. Оставим этот критерий на совести классика, а вот наиболее удавшиеся Марласову стихотворения приведем: «Я был рожден...», Мастер, Журавль, «Ненцы – мудрый народ»...

Знаменательно, что одно из стихотворений А.Марласова, включенных им в настоящий сборник, носит название «Белый посох». Так куда же, в своем неостановимом движении к людским сердцам, простирает поэт

свой белый посох? По его же образному выражению, простерт этот посох «от деревянной колыбели до деревянного креста»... Что ж, о кресте, на мой взгляд, вести разговор несколько преждевременно, но отрадно, что мирочувствование поэта приобрело в данном случае чеканную афористическую форму. Достойная стезя...

Анатолий Марласов, очертив строкой свой поэтический путь, взволнованно заклинает нас:

Прошу вас поверьте, поверьте
В могущество жизни,
В беспомощность смерти!

Верность жизни, во всех ее, светлых и затененных порой, проявлениях, верность своему жизненному назначению – вот доминанта творческой работы собрата нашей писательской корпорации.

Стихия, питающая его художественное воодушевление, – стихия безоглядной открытости, доверительности и, нередко порицаемой нами же, доверчивости, за которую женщина

...С невинностью в глазах,
Которая когда-нибудь обманет
И будет лгать, едва откроет двери,
Рассыпав лжи большие пятаки,
И ей не будут верить дураки,
И, как ни странно,
Я ей буду верить.

Но – «нет истины, где нет любви...» – это исповедальное, в устах великого Пушкина, откровение подпитывается и скромным светом, исходящим от этого небольшого, ладного томика, книги тюменского, сибирского поэта Анатолия Марласова, не примеряющего об-

раз пророка, либо глашатая глобальных истин, но – отворяющего себя в тихом, сокровенном признании:

«Я верю в величие жизни,
в беспомощность смерти»...

Николай Шамсутдинов.

ОБ АВТОРЕ

Марласов Анатолий Михайлович родился 1 августа 1943 года в городе Пятигорске.

С 1969 г. живет в Тюменской области: п.Тязовский, г.Ханты-Мансийск, г.Нижневартовск, г.Салехард, г.Тюмень.

Закончил Московский институт культуры. Писать стихи начал в 10-летнем возрасте, первая публикация была в 16 лет в газете «Невинномысский рабочий».

С 1978 по 1986 год – заведующий отделом культуры Ямало-Ненецкого автономного округа, 1986г. – председатель профсоюзного комитета Салехардской нефтеразведочной экспедиции, с 1993 года – директор Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И.Менделеева.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации, автор нескольких поэтических сборников, член Союза российских писателей, член Союза журналистов России.

В настоящее время живет в Тюмени.

СОДЕРЖАНИЕ

Тень от стихов на асфальте...

Поверьте 5
Мастер 6
«Объединяют род людской...» 8
Арине Родионовне 9
«Я – директор театра...» 10
«У Альберта Эйнштейна...» 12
И зернышко карандаша... 13
«Мимолетность жизни сознаем...» 14
Голубь 15
На века 17
Журавль 18
Диалог с женщиной 20
«Пред светлым именем твоим...» 21
Приметы 22
«Я очень долго жил в лесу...». 24
«Из черепа, из черепа...» 25
Вначале было слово 26
«Вот и чайки закричали...» 28
«Тень от стихов на асфальте...» 29
«Зачем стремленье...» 30
«Нет, не потому, что жертва моды...» 31
«На месяце повеситься...» 32
«Кто-то машет дирижерской...» 33
Мечта 34
«И звезда упала...» 35
Песня («Девочка, печали не скрывая...») 36
Девичья песня 37
Песня («Ах, снега, снега – словно белый дождь...») 38
«Ненцы – мудрый народ, суеверный немножко...» 39
«Есть в осени прекрасные мгновенья...» 40
«Убегает изо всех силенок...» 41
«Морозный обморок берез...» 42
«Я чувствую – тянется к лету...» 43
«Зачем такая...» 44
«Холодный ветер расставанья...» 45
«Забуду все – как звать тебя забуду...» 46

«Вы замечали, что девушка любимая...» 47
«Женщина, как скрипка...» 48
«Любимой женщине своей...» 49
«Волк осени серой завыл в междуречье...» 50
«Пришел и говорю, но ты не внемлешь...» 51
«Для меня ты – удивинка...» 52
Любимой 53
«Когда ты входишь в комнату – светлеют...» 54
«Я вижу все...» 55
«Чтобы хоть раз ты заснула девчонкой...» 56
Вера и любовь 58
«Все было тихо и спокойно...» 59
«Я был рожден...» 60
«Беспечно не пою я, нет!...» 61
Гимн корове 62
Сын пекаря 63
«Батюшка Крестентий...» 65
Родство 66
«Мой отец с войны вернулся...» 67
«Я узнал, что умерла моя мама...» 68
«Сентябрь – осени вокзал...» 70
«И вот мой двор, и вот моя калитка...» 71
«И музыка тревожная, как вьюга...» 72
Весна 74
На Родине 75
Во Владивостоке 76
«Дел – невпроворот...» 78
«Я – словно дом, который опустел...» 79
«По белой аллее из снежных берез...» 80
Под Новый год 81
«Как тяжело на сердце, тяжело...» 83
«На каждого готовят компромат...» 84
«Ах, как меня жизнь обманула...» 85
«У человека есть гнездо – земля...» 86
«Прислушайся к себе – и говори...» 87
«Есть две совести, увы...» 88
«Приникая к трепетному звуку...» 89
«Философы грустят...» 90
«После тяжелой болезни...» 91
«Как тревожно сегодня...» 92
«Не грянет грома громкий окрик...» 93
«Друг меня позовет...» 94
«А если я когда-то жил...» 96
«Я знаю, что жизнь – это строчка...» 97
«Есть философский смысл бытия...» 98
«Все понимая на седой земле...» 99
Юношеское воспоминание 100

«Кошка, я выпил сегодня немножко...» 102
Звонок 104
«Когда-то женщина мне приснилась...» 105
«Я лицом повернусь к закату 106
«И если синий свет луны мне дорог...» 107

Северная тетрадь

«Как прекрасна северная осень...» 111
Северное сияние 112
«Я родился в городе курортном...» 113
«Душа людская...» 114
«Я живу в углу медвежьем...» 115
«Я обнаружил море за окном...» 116
Куропаткино село 117
О Тюмени 119
Праздник солнца 120
Вальс на Полярном круге 121
Ханты-Мансийск 122
«Народностей на Севере России...» 124
«Лакомбой» 126
Песенка о солнце 127
Сын родился 129
«Что этот северный размах...» 130
«Тусклая, как лампочка в полватта...» 131
«И хотел бы я заплакать...» 132
«И вонзились эти звуки в солнце...» 134
«Поднимается пар на лугу по утрам...» 135
Закон – тайга 136
Песня об одиночестве 137
«Это, видимо, судьба...» 139
«...А у России на окраине...» 141
Маленький город 142
«Я такое вытворял...» 144
Белая ночь 145
«На губе на Обской...» 146
Баба Паша 148
Северное небо 149
«В невода моей печали...» 150
«Показалась родина вдали...» 151
В столице 152
«О, как прекрасен Салехард!..» 153
Серебряный олень 154
В дороге 155
«А вы видали северное небо?» 156
Страна Ямал 157
«И эта речка, там, внизу...» 158

«Лечу над белым пламенем снегов...» 159
«Снег, неожиданный, как негр...» 160
Три метра 161
Зеленый домик 162
Песня о Яр-Сале 163
О Панаевске 164
Сеяхинский вальс 165
«Все тише сны... 166
Берёзово 168

В концертном зале уникальном...

«Картина эта вам знакома?..» 173
«Мое изнеможденное лицо...» 174
«У меня такая жизнь...» 176
Портрет 178
Давление 179
Эпиграмма поэту Н... 180
Пьеса и P.S. 181
«Печататься – не значит быть поэтом...» 183
«Я расскажу, как дело было...» 184
«Ты, математика, невеста ли?..» 185
Осторожный человек 186
«Рассыпал соль...» 188
О себе 190
«Попадаются деньки...» 191
«Никогда в таланты я не метил...» 192
Старость 193
«Я – одинокий по натуре...» 194
«Я петь хочу – и я пою...» 195
Из раннего Маяковского или позднего Марласова 196
«Я беднее церковной крысы...» 198
«Новый русский говорит...» 199
«В концертном зале уникальном...» 200
«Не пишется, как Коле Шамсутдинову...» 201
«Ты живешь в трагедии...» 202
Другу 203
«Печальный человек на радостной улице...» 205
«Влюбился телеграфный столб...» 206
«Если бы меня назначили...» 207
«Я – поэт, поэту можно...» 208
Гимн водке 209
«В убогой будке деревянной...» 210
Мы валяем... 212
Из «Пекинской тетради» 214
«Хоть долетели мы до звезд...» 216
Сравненья 217

«Алфавит от А до Я...» 218
Рождественский рассказ 219
«Вот разница в сравненьях...» 220
Шуточное наблюдение в юмени 221
Триптих 222
Соперница 224
«Тяжело быть луной...» 226
Фантазия в стиле дождя 227
«Свою жену, как куколку, одену...» 231
«Чем праздник отличается мужской...» 232
«Давай представим...» 233
«А я люблю...» 234
«И пить перестать, и курить перестать...» 236
Сказка 237
«Я, конечно, ошибался...» 238
«Я думаю...» 239
«В рекламе пива я актер приятный...» 240
«Ничего в поэзии не стоя...» 241
«Я смерть готов принять без лишних слез...» 242
«Какой-то странный гражданин...» 243
«Я, наверно, ослепну...» 244
За границей 245
«Я знаю – когда-нибудь сердце...» 246
«Заморские птицы...» 247
Пульс 248
В день 58-летия 249
«А любви моей-то лепета...» 251
«У каждого в семье...» 252
«Я знаю – жизнь беднее будет...» 253
Вопросы 254
«Ты, как солнца буйный свет...» 256
Читателю 257
«Нигде не слушают меня...» 258
«Вот огромный человек...» 259
Баллада о Ноле 261
Музе 265
Стихи, написанные на салфетке 266
Фрагментушки 267
Пародии 272
Портрет 274
«Куда исчезают звезды днем?..» 275
«Я улечу в страну Улетанию...» 276

Где наши корни? 277

Бунтарская стрела (пьеса в стихах) 291

Несколько слов о книге 329

Об авторе 338

Литературно-художественное издание

Марласов Анатолий Михайлович

ПРЕД СВЕТЛЫМ ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Книга избранной лирики

Редактор *Н.Шамсутдинов*
Художественное оформление серии *Ю.Филоненко*
Художественное оформление тома *С.Стенин*
Компьютерная верстка *Я.Недвиги, С.Недвиги*

Изд. лиц. № 04401 от 26.03.01 г.
Подписано в печать 08.06.04. Формат $70\times90^{1}/_{32}$.
Гарнитура Arial Cyr. Усл. печ. л. 12,57. Уч.-изд. л. 10,13.
Тираж 3000 экз. Заказ № 2315.

Банк культурной информации. 620026, г.Екатеринбург, 56.
Тел./факс: +7 (343) 251-65-26.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

268472006
Библиотека Югры

ЦЕНТР КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ